Антропологическ.
физиогномика
т. 4
(т. 31)

ИЗВѢСТІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ, АНТРОПОЛОГІИ И ЭТНОГРАФІИ,
СОСТОЯЩАГО ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.
Томъ XXXI.
(Прибавленіе ко второму тому Антропологической выставки).

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ФИЗІОГНОМИКА.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ.

А. П. БОГДАНОВА.

Изданіе на средства, пожертвованныя В. Х. Спиридоновымъ.

МОСКВА.
Типографія М. Н. Лаврова и К°, Леонтьевскій переулокъ, д. № 14.
1878.

Извѣстія Общ. Люб. Естеств.
т. XXXI.

Труды Антропол. Отдѣла
т. IV.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ФИЗІОГНОМИКА.

(предварительныя замѣтки).

А. П. Богданова.

(Приложеніе ко второму тому сборника „Антропологическая Выставка", издаваемаго Комитетомъ Антропологической Выставки).

Многоуважаемому
Николаю Михайловичу
Баранову
отъ Анатолія Бог.

2007237529

ИЗВѢСТІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ, АНТРОПОЛОГІИ И ЭТНОГРАФІИ.
Томъ XXXI.
Дополнительный выпускъ ко второму тому трудовъ Комитета Антропологической выставки.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ФИЗІОГНОМИКА.

(ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ).

А. П. БОГДАНОВА.

СОДЕРЖАНІЕ:

Издано на средства, пожертвованныя В. Х. Спиридоновымъ.

МОСКВА.
Типографія М. Н. Лаврова и К°, Леонтьевскій переулокъ, д. № 14.
1878.

Предлагаемыя замѣтки должны были составить введеніе къ подготовляемымъ мною „*Матеріаламъ по краніологіи народонаселенія Средней Россіи*,“ для коихъ (какъ мною лично, такъ и моимъ товарищемъ А. А. Тихомировымъ, любезно предложившимъ мнѣ для ускоренія предварительной работы свою помощь въ измѣреніи большаго числа древнихъ Московскихъ кладбищенскихъ череповъ), собрано уже довольно данныхъ. Общество Любителей Естествознанія доставило мнѣ средства на изготовленіе необходимыхъ таблицъ и политипажей, кои почти всѣ уже готовы. Постоянное накопленіе новаго матеріала и весьма малая возможность для меня въ зимній періодъ непрерывно посвящать свое время окончательной обработкѣ его значительно задержали и будутъ задерживать появленіе моихъ общихъ замѣтокъ. По этому я позволилъ себѣ начать печатаніе ихъ по частямъ: фактическія краніологическія данныя я представилъ Комитету Антропологической выставки, какъ начало краніологическаго каталога предметовъ, имѣющихъ быть на выставкѣ; общія предварительныя замѣтки я предполагалъ представить Антропологическому Отдѣлу для обсужденія, какъ получилъ приглашеніе принять участіе въ лекціяхъ профессоровъ Московскаго Университета и предпочелъ придать своимъ замѣткамъ форму лекціи. Вѣроятно никто, изъ знакомыхъ съ вопросомъ, не поставитъ мнѣ въ упрекъ того, что въ лекціи я ограничился общею, такъ сказать програмною, частію, высказавъ только нѣкоторыя общія замѣчанія и предположенія. Вопросъ объ антропологическомъ типѣ Русскихъ, о его происхожденіи, такъ сложенъ и важенъ, что было бы болѣе чѣмъ смѣло съ моей стороны полагать, что я одинъ буду въ состояніи рѣшить его. Все, что я считалъ возможнымъ для себя въ настоящее время, состояло въ томъ, чтобы вызвать особенное вниманіе къ вопросу объ антропологіи Русскихъ по поводу предстоящей въ Москвѣ Антропологической выставки и получить матеріалы прологающіе путь къ такому рѣшенію.

Напечатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Общества Любителей Естествознанія Антропологіи и Этнографіи.

Президентъ Общества, Тайный Совѣтникъ *Григорій Щуровскій*.

Антропологическая физіогномика.

I.

Физіогномика, какъ искусство по чертамъ лица узнавать свойства и ощущенія человѣческой души, очень стара. Она началась съ проявленія перваго начала общественнаго самосознанія въ человѣческомъ обществѣ, съ того времени, какъ человѣкъ сталъ складывать въ устныя преданія общія свои наблюденія и выводы. Если смотрѣть на физіогномику, какъ на средство подмѣчать ощущенія, то она даже не исключительно свойственна человѣку. Всякій знаетъ, что животныя, по такъ называемому инстинкту, умѣютъ отличать относительно другъ друга и относительно человѣка различныя оттѣнки психическихъ состояній, хотя и не идутъ въ этомъ отношеніи далѣе самыхъ явственныхъ и наиболѣе осязательныхъ изъ нихъ: гнѣвъ, ужасъ, пріятное настроеніе дружественныхъ чувствъ умѣютъ и выражать, и передавать многія животныя. Человѣку одному принадлежитъ только то, что онъ свои физіогномическія впечатлѣнія возвелъ въ систему, выразилъ въ рядѣ положеній, осмыслилъ обобщеніемъ и анализомъ; но это то и составляетъ всю коренную разницу человѣка и животныхъ, такъ какъ выводъ, обобщеніе и наука, или не только знаніе, но и познаніе, и представляютъ несомнѣнныя права человѣка на особое царство, рѣзко отдѣленное сознаваемою мыслію отъ животнаго царства. Что физіогномическія обобщенія существуютъ у самыхъ примитивныхъ расъ, неимѣющихъ настоящаго знанія или науки, доказываютъ и дикари, уродующіе себѣ лицо и прически, дѣлающіе себѣ фантастическіе костюмы, чтобы ими испугать непріятеля, казаться страшнѣе. Жрецы даже самыхъ первобытныхъ религій изобрѣтаютъ пріемы, чтобы дѣйствовать на воображеніе и волю присутствующихъ, и въ этихъ пріемахъ играетъ не послѣднюю роль выраженіе лица, жестовъ и движеній, которыя должны свидѣтельствовать о ихъ сверхъестественной волѣ, о ихъ, выходящемъ изъ обыкновеннаго порядка вещей, могуществѣ. Что искусство практически прилагать физіогномическія наблюденія къ житейскимъ потребностямъ одно изъ самыхъ древнихъ, показываетъ существованіе всюду лицемѣровъ и кокетокъ. Вся задача, какъ тѣхъ, такъ и другихъ собственно и состоитъ въ томъ, чтобы, или съ помощію умѣнія и силы воли, или съ помощію искусственныхъ пріемовъ и искусственныхъ средствъ, произвести не то впечатлѣніе, какое бы представили ихъ лица и движенія при данныхъ имъ отъ природы условіяхъ и при естественномъ проявленіи ихъ; это стремленіе уже предполагаетъ само собою сознаніе, что на другихъ постоянно дѣйствуютъ физіогномическія свойства, что они подмѣчаютъ ихъ, увлекаются ими, составляютъ по нимъ то или другое сужденіе, тотъ или другой выводъ. Желаніе и необходимость узнать съ кѣмъ имѣешь дѣло, на что можно разсчитывать и что найдешь въ человѣкѣ, вызвали издревле искусство физіогномики, какъ съ точки зрѣнія придаванія ему той или другой формы, что можно назвать искусствомъ активной орудующей физіогномики, такъ и составленія себѣ сужденія о значеніи и свойствахъ извѣстныхъ физіогномическихъ данныхъ, что можно назвать пассивною или наблюдательною физіогномикою. И та, и другая имѣютъ цѣлію произвести, или уловить, извѣстныя душевныя свойства и движенія, извѣстныя психическія стороны человѣка, и потому онѣ могутъ составить особую форму или стадію развитія физіогномическихъ знаній, которую можно назвать *практическою* физіогномикою, самою древнѣйшею по своему проявленію, коренящуюся не столько въ сознательномъ мышленіи, сколько въ безсознательныхъ впечатлѣніяхъ и въ инстинктивныхъ ощущеніяхъ. Ихъ можно назвать безсознательными въ томъ смыслѣ, что человѣкъ прямо беретъ ихъ изъ опыта, какъ извѣстный фактъ, сопровождающійся тѣми или другими послѣдствіями, тѣмъ или другимъ пріятнымъ или непріятнымъ проявленіемъ, и нисколько не анализируетъ своихъ впечатлѣній, не систематизируетъ ихъ, не подводитъ ихъ въ какую либо доктрину. Въ этомъ смыслѣ человѣкъ въ такомъ фазисѣ своихъ физіогномическихъ данныхъ не далеко ушелъ еще отъ животнаго и дѣйствуетъ подъ вліяніемъ того или другаго впечатлѣнія болѣе рефлективно, чѣмъ сознательно.

Появляется новая ступень развитія человѣческаго общества, начинается періодъ сознанія, первые корни научныхъ пріемовъ, и человѣкъ начинаетъ систематизировать окружающія его явленія. Такъ какъ первое, что доступно его непосредственному наблюденію, еще неопирающемуся на цѣлый рядъ добытыхъ научныхъ методовъ, это внѣшность, это форма, то человѣкъ съ одной стороны утрируетъ значеніе этой формы, а съ другой старается уяснить рядъ этихъ формъ, группируя ихъ по сродству, по сходству, по извѣстнымъ качествамъ. Научныя свѣдѣнія не даютъ еще человѣку возможности дойти до ближайшихъ причинъ явленія; онъ не знаетъ еще анатоміи, ему незнакомо еще физіологическое значеніе факторовъ, входящихъ въ составъ тѣла человѣка; для него существуетъ одна внѣшняя оболочка, которая и является единственнымъ средствомъ найдти отвѣтъ на рядъ, и рядъ все болѣе и болѣе многочисленный, возникающихъ вмѣстѣ съ умственнымъ развитіемъ вопросовъ. Эта оболочка скрываетъ отъ него тайну душевныхъ явленій въ организмѣ, но она сама является отраженіемъ неизвѣстнаго внутренняго начала и ме-

ханизма; она отражаетъ его ходъ, его различныя проявленія. Естественно подмѣчать видоизмѣненія этихъ внутреннихъ проявленій на доступной наблюденію внѣшней оболочкѣ, изучать всѣ особенности внѣшней формы, постоянно связанныя съ извѣстными нравственными и умственными проявленіями, привести ихъ въ порядокъ, въ систему, сдѣлать удобнымъ для осмотра и полученія нѣкоторыхъ практическихъ выводовъ. Является систематизація физіогномическихъ явленій, морфологическое изученіе ихъ; является первая ступень научнаго изученія физіогномики—*морфологическая физіогномика*, далѣе которой не шла эта отрасль изученія человѣка до первой четверти настоящаго столѣтія. Что такое труды Лафатера, Брюйера и другихъ, какъ не систематизированіе извѣстныхъ физіогномическихъ явленій и классификація ихъ? Отлогій лобъ есть выраженіе тупости или, по крайней мѣрѣ, недальняго умственнаго развитія; толстая и выдающаяся нижняя губа признакъ развитія чувственности; плоскія губы—хитрости; быстро загорающійся подъ вліяніемъ какого либо впечатлѣнія взглядъ—указаніе на впечатлительность, на непостоянство и т. д. Существенный шагъ впередъ этой ступени развитія физіогномики, сравнительно съ предъидущей, состоитъ въ томъ, что здѣсь уже увеличивается значительно число психическихъ моментовъ, подвергаемыхъ изученію. Уже не одни первоначальные, самые выдающіеся афекты, (гнѣвъ, ужасъ, страхъ, любовь) подвергаются изученію, но дѣло идетъ далѣе: анализируются градаціи этихъ психическихъ проявленій, присоединяются цѣлые ряды уже болѣе научно анализированныхъ душевныхъ свойствъ. Стараются подмѣтить, чѣмъ въ физіогномикѣ выражается память, воображеніе, благородство, честность, религіозность и т. д,, то есть тѣ свойства, подмѣчать которыя способенъ одинъ только человѣкъ, и при томъ человѣкъ, стоящій даже на значительной степени умственнаго развитія, знакомый уже съ первоначальными научными знаніями. Добыты уже нѣкоторыя анатомическія данныя; костякъ, и въ особенности черепъ, уже извѣстны въ ихъ частностяхъ и въ ихъ видоизмѣненіяхъ. Извѣстно уже значеніе мозга, какъ центральнаго органа внутренней духовной жизни, или по крайней мѣрѣ при первыхъ успѣхахъ этого періода дознано, что голова, а не желудокъ, составляетъ направляющую часть организма. Физіогномика изъ искусства, исключительно основаннаго на изученіи выраженія лица и движеній, переходитъ къ наблюденію фактовъ устройства черепа; она вырабатываетъ какъ отдѣльную отрасль краніоскопію, черепословіе, искусство по видоизмѣненіямъ черепа судить о свойствахъ человѣка. Хиромантія, или искусство распознавать по линіямъ судьбу и жизнь человѣка, очевидно принадлежитъ совершенно къ иной области приложеній морфологическихъ свойствъ человѣка, такъ какъ она основывается на фаталистическомъ воззрѣніи какого-то сверхъестественнаго соотношенія между линіями рукъ и событіями жизни и съ этой стороны очевидно она не имѣетъ ничего общаго съ физіогномикою, основывающеюся на несомнѣнно существующемъ соотношеніи между физическимъ строеніемъ и психическими проявленіями. Но и въ ней можно найдти нѣкоторыя черты, основанныя на положительныхъ наблюденіяхъ. Толстые пальцы, мускулистыя руки встрѣчаются у сильной, физически развитой организаціи; удлиненные, тонкіе пальцы, нервность руки, какъ выражались физіогномисты, указываетъ на преобладаніе психической жизни, или по крайней мѣрѣ на предрасположеніе къ ней. Существуютъ общія свойства организаціи, проявленія темперамента, которыя выражаются не въ одной только физіогноміи, но и въ конечностяхъ: не даромъ маленькія ножки вліяютъ такъ часто на сердца и головы людей, и въ этомъ случаѣ малость ихъ и граціозность составляютъ предполагаемое свидѣтельство изящества натуры всего человѣка, болѣе высокаго развитія его.

Морфологическая физіогномика, въ большей или меньшей степени, есть достояніе каждаго развитаго человѣка. Каждый составилъ себѣ извѣстный кодексъ физіогномическихъ данныхъ, по которымъ онъ судитъ о другихъ. Душа человѣка сокрыта, а все сокровенное именно и возбуждаетъ особенное любопытство наше. Каждому хочется проникнуть въ глубь нравственной жизни другаго, знать чего отъ него можно ждать или надѣяться, не говоря уже о практическихъ цѣляхъ, которыя дѣлаютъ практическую физіогномику необходимою въ жизни. Кромѣ инстиктивнаго стремленія по выраженію лица судить о томъ, съ кѣмъ имѣешь дѣло, существуетъ еще и совершенно платоническое, любознательное стремленіе подмѣчать происходящее въ другомъ. Въ этой любознательности особеннымъ даромъ вѣрно угадывать и подмѣчать отличаются женщины и дѣти, коихъ натуры болѣе цѣльны, или лучше сказать болѣе первобытны, понимая это слово въ томъ смыслѣ, что онѣ менѣе односторонни и не такъ затемнили свои впечатлѣнія системою и теоріею, какъ это обыкновенно бываетъ съ мущинами. Лучшими практическими физіогномистами являются подчиненные всякихъ ранговъ и состояній, зависящіе отъ безусловной воли своего господина или начальника, и потому по необходимости изучающіе его физіогномику въ совершенствѣ.

Развивается далѣе наука и выходитъ уже изъ тѣхъ предѣловъ, при которыхъ она должна была ограничиваться фактомъ и внѣшнею классификаціею. Для нея уже становится недостаточнымъ знаніе того, что извѣстныя свойства и особенность формы связываются съ опредѣленными проявленіями характера, ума и воли. Ей нужно пойдти далѣе; она чувствуетъ потребность дознать, почему это такъ, чѣмъ эта связь факта и результата обусловливается. Является изученіе причинъ и слѣдствій, а не одного только предыдущаго и послѣдующаго. Въ естествознаніи, и именно въ изученіи органическихъ тѣлъ, за внѣшнею морфологіею, за болѣе или менѣе внѣшними классификаціонными пріемами слѣдуетъ болѣе глубокое и болѣе научное анатомическое и физіологическое изученіе явленій. Сначала скальпель показываетъ число, форму и положеніе тѣхъ составныхъ частей, изъ которыхъ слагается внѣшность тѣла, затѣмъ наблюденіе и опытъ надъ дѣйствіемъ этихъ частей даютъ ключъ къ уясненію ихъ относительнаго значенія и взаимнаго соотношенія. Физіогномика, какъ частная отрасль познанія органическихъ тѣлъ, должна была также вступить въ свое время на этотъ путь, и онъ открылся ей съ того времени, какъ ножъ анатома разпозналъ всѣ составныя части тѣла, какъ физіологъ дозналъ ихъ отправленіе. Такъ какъ само по себѣ одно анатомическое значеніе частей безъ уясненія ихъ отправленія еще не много значитъ для цѣлей физіогномическихъ, то послѣдующій научный періодъ развитія физіогномики можно назвать *физіологическимъ*. Для него работали, сознательно или несознательно, всѣ тѣ анатомы и физіологи, коихъ трудамъ мы обя-

заны знаніемъ состава и значенія составныхъ частей лица и соотношенія различныхъ системъ органовъ человѣческаго тѣла. Наилучшимъ выразителемъ чисто физіогномическихъ цѣлей періода физіологической физіогномики является Дюшенъ, французскій ученый, приложившій электричество къ изученію дѣйствій различныхъ мускуловъ лица, заставлявшій подъ дѣйствіемъ тока сокращаться тѣ или другія мышцы лица, изучавшій выраженія при этихъ сокращеніяхъ, снимавшій фотографическія изображенія этихъ выраженій и старавшійся выяснить дѣйствіе какихъ мышцъ вызываетъ то или другое душевное настроеніе, то или другое выраженіе ощущеній. Этому же физіологическому направленію, съ тѣмъ же стремленіемъ отыскать анатомическія и физіологическія причины морфологическихъ измѣненій въ выраженіи лица и ощущеній, слѣдовали въ своихъ работахъ Граціоле и Дарвинъ, давшіе въ своихъ сочиненіяхъ много весьма важныхъ данныхъ для научнаго построенія этой отрасли нашихъ знаній. Сочиненіе Дарвина важно еще въ томъ отношеніи, что въ немъ намѣчено и много указаній на такъ называемую *антропологическую физіогномику*, ближайшій предметъ нашего разсмотрѣнія.

Искусство, живопись и скульптура не могли также оставаться равнодушными къ физіогномическимъ даннымъ, тѣмъ болѣе, что, какъ мы видѣли, сама физіогномика стояла долгое время только на степени искусства. Эти физіогномическія наблюденія выразились съ особенною ясностію въ скульптурѣ древнихъ, въ особенности при изображеніи ими своихъ боговъ. Такъ какъ древнія греческія божества были идеализацією и воплощеніемъ извѣстныхъ человѣческихъ свойствъ, то въ каждомъ изъ нихъ художники изображали какой либо физіогномическій типъ. Такъ Юпитеръ долженъ былъ выражать могущество воли, спокойное сознаніе силы. Юнона была олицетвореніемъ спокойной добродѣтели, Венера матеріальной красоты; Минерва считалась за олицетвореніе добродѣтельнаго ума, если можно такъ выразиться, т. е. ума направленнаго къ добрымъ дѣламъ, смягченнаго женскимъ добросердечіемъ. Меркурій былъ олицетвореніемъ практическаго ума, обладавшаго способностію часто повертывать и въ худую сторону. Геркулесъ былъ образцемъ разсудительной физической силы, гладіаторы только типомъ крѣпкаго физическаго развитія. Всѣмъ этимъ идеаламъ извѣстныхъ свойствъ давались и соотвѣтственныя черты лица и гармонирующее выраженіе. Фактическою основою для подобныхъ возсозданій служили или наблюденія надъ живыми людьми, представлявшими въ выдающейся степени тѣ или другія умственныя или нравственныя свойства и характеризовавшимися особеннымъ развитіемъ извѣстныхъ частей тѣла (по преимуществу головы и лица), или же наблюденія надъ выраженіемъ животныхъ. И до сихъ поръ мы часто дѣлаемъ подобныя же наблюденія и прилагаемъ ихъ къ нашимъ физіогномическимъ сужденіямъ: мы говоримъ о лисьемъ выраженіи лица, о кошачьихъ ухваткахъ, о бараньихъ глазахъ, орлиномъ взглядѣ, львиной поступи. Первобытный человѣкъ, находившійся ближе къ природѣ, часто даже боготворившій животныхъ, былъ еще склоннѣе нашего подмѣчать и усвоивать физіогномику животныхъ и болѣе способенъ, по непритупленной воспріимчивости, уловлять различныя выраженія свойствъ и ощущеній у животныхъ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ для первобытнаго человѣка было легче наблюденіе надъ животными съ точки зрѣнія выраженія и ощущеній, чѣмъ у людей, такъ какъ они здѣсь первобытнѣе, характернѣе, чѣмъ у человѣка, менѣе замаскированы различными пріобрѣтенными воспитаніемъ и привычкою осложненіями, менѣе сложны. Первобытная скульптура оставила намъ данныя и для антропологической физіогномики: на египетскихъ памятникахъ, напримѣръ, мы встрѣчаемъ уже фигуры, въ которыхъ мы можемъ различить различныя племена по ихъ характеристичнымъ чертамъ, часто переданнымъ нѣсколькими характерными штрихами.

До послѣдняго времени въ вопросахъ физіогномическихъ главную цѣль составлялъ человѣкъ вообще, его свойства, его страсти, проявленіе его душевныхъ свойствъ. Если и были попытки указать на факты расовой, племенной физіогномики, то эти попытки были случайны. Онѣ ограничивались самыми рѣзкими, самыми выдающимися признаками, легко бросающимися въ глаза всякому наблюдателю, и имѣли по большей части такое же значеніе, какое имѣли въ старинныхъ сочиненіяхъ изображенія хвостатыхъ людей, циклоповъ, уродовъ, фантастическихъ животныхъ. Это было записываніе и увѣковѣчиваніе дѣйствительно существующихъ или созданныхъ воображеніемъ фактовъ на основаніи дурно перетолкованныхъ наблюденій. Только послѣднему времени, даже самому послѣднему, принадлежитъ заслуга уясненія началъ истинной антропологической физіогномики. Правда, уже у прежнихъ антропологовъ мы встрѣчаемъ описанія различныхъ племенъ; путешественники передали намъ цѣлый рядъ изображеній жителей разныхъ странъ и мѣстностей, но всему этому еще далеко до настоящей научной племенной физіогномики. Еще и теперь она въ періодѣ младенчества и ждетъ окончательнаго своего установленія. Она находится почти въ такомъ же состояніи, въ какомъ описательное естествознаніе было до временъ Линнея. Было много писано и описано до него, много дано изображеній естественно-историческихъ предметовъ, но бѣда была въ томъ, что каждый описывалъ по своему произволу, обращалъ вниманіе на то, что его особенно поражало, выражалъ это терминами, которые находилъ наиболѣе удобными, а иногда и наиболѣе краснорѣчивыми, способными дѣйствовать болѣе на воображеніе, чѣмъ на уясненіе частностей. Современное естествознаніе допускаетъ одно краснорѣчіе: точное и вѣрное описаніе фактовъ. Оно положило границу изобрѣтательности образовъ и сравненій для естествоиспытателя, давъ ему со временъ Линнея сводъ законовъ, опредѣляющихъ и значеніе, и приложеніе извѣстныхъ опредѣленныхъ терминовъ. Языкъ сталъ менѣе цвѣтистъ и ораторскому искуству разгуляться негдѣ въ описаніяхъ, ставшихъ отъ того краткими, сухими, но зато понятными, точными и удобосравниваемыми. Младенчество антропологической физіогномики и выражается главнымъ образомъ въ томъ, что еще много простора остается и теперь въ этомъ отдѣлѣ изслѣдованій для описательной изобрѣтательности, что физіогномическія явленія не подведены подъ рубрики и систему, что еще не дознано въ какихъ случаяхъ и гдѣ какіе признаки имѣютъ преобладающее значеніе.

Не много нужно свѣдѣній и наблюдательности, чтобы отличить негра отъ бѣлаго, калмыцкую физіогномію отъ общеевропейскаго типа, цыгана отъ великорусса. Но такихъ рѣзкихъ типовъ сравнительно немного, а подраздѣленій человѣческихъ группъ, на-

зываемыхъ племенами, значительное число. Можно ли къ отличію ихъ прилагать физіогномическія данныя; въ чемъ искать отличительныхъ признаковъ ихъ; какія свойства можно счесть физіогномически характерными въ каждомъ племени; какой предѣлъ варьяцій наблюдается между этими признаками въ средѣ естественной группы или племени: вотъ нѣкоторые изъ тѣхъ существенныхъ вопросовъ, которые связываются съ разсмотрѣніемъ физіогномическихъ данныхъ съ антропологической точки зрѣнія или съ такъ называемою *антропологическою физіогномикою*. Очевидно, что эта частная отрасль изученія формы лица и выраженія ощущеній имѣетъ представить совершенно своеобразныя задачи, отличныя отъ тѣхъ, которыя разсматриваетъ общая физіогномика, будь она практическая, морфологическая или физіологическая. Для физіогномиста не антрополога важно, какъ проявляется вообще внутренняя жизнь во внѣшнихъ измѣненіяхъ человѣка подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ условій, какими органами, находящимися подъ ея вліяніемъ и какимъ образомъ она пользуется въ тѣхъ или другихъ условіяхъ. Для современнаго антрополога-натуралиста изученіе человѣка вообще не есть ближайшая задача, это дѣло анатома, физіолога, психолога и философа. Для него важны тѣ варьяціи, которыя въ своей формѣ и въ своемъ строеніи представляютъ племена, и важны по стольку, по скольку онѣ даютъ возможность различать и группировать эти племена, находить въ нихъ различія и сходства для возможности естественной классификаціи ихъ, для возсозданія того родословнаго дерева, по которому они развивались другъ отъ друга подъ вліяніемъ различныхъ причинъ. Антропологъ беретъ уже добытый анатомами и физіологами матеріалъ, основываетъ на немъ свои выводы, но прилагаетъ полученные другими отраслями знанія выводы къ своимъ спеціальнымъ цѣлямъ. Подобно тому, какъ зоологъ опирается на гистологію, эмбріологію, сравнительную анатомію для своихъ спеціально зоологическихъ цѣлей, состоящихъ въ изученіи законовъ развитія организмовъ, взятыхъ въ совокупности и подъ вліяніемъ историческихъ условій этого развитія, и подобно тому, какъ задача въ этомъ случаѣ явственно своеобразна и по цѣлямъ, и по пріемамъ, если не наблюденія, то группировки фактовъ, такъ и антропологъ во всей своей наукѣ вообще и въ физіоногмической ея части въ особенности беретъ и анатомическіе, и физіологическіе факты, но группируетъ ихъ и добавляетъ сообразно своей спеціальной цѣли. Если антропологія, въ тѣсномъ естественно историческомъ значеніи этого слова, считается различною и по цѣли, и по составу, и по методамъ отъ ближайшихъ, соприкасающихся съ нею отраслей знанія, составляющихъ для нея необходимый фундаментъ, то и антропологическая физіогномика можетъ быть съ такимъ же правомъ выдѣлена въ особую группу по отношенію общей физіогномики, преслѣдующей изученіе выраженія и ощущеній въ человѣкѣ вообще.

При такой своей задачѣ антропологическая физіогномика будетъ имѣть и свой своеобразный характеръ, и свои особенные пріемы. Во первыхъ, для нея физіологическое значеніе физіогномическихъ данныхъ будетъ представлять очень незначительный интересъ. Способность понимать ощущенія и впечатлѣнія, выражаемыя въ физіогномическихъ явленіяхъ, въ главнѣйшихъ своихъ выраженіяхъ одинаково присуща всѣмъ племенамъ, и не только имъ, но и животнымъ. Никто изъ людей не ласкается съ рычаньемъ, свирѣпымъ выраженіемъ лица, взмахивая кулаками и стараясь укусить; никто не станетъ драться съ умиленнымъ и восторженнымъ лицемъ или выражать свое удовольствіе скрежетомъ зубовнымъ и трагическимъ плачемъ. Бываютъ правда слезы радости, но кто не отличитъ ихъ по выраженію лица отъ проявленій горя и боли? Рычатъ животныя, когда ласкаются, но предметъ ихъ ласки хорошо понимаетъ всю сантиментальность и умиленность этого рычанія. Если бы было иначе, то люди разныхъ странъ не понимали бы по физіогномическимъ даннымъ душевныхъ проявленій въ чуждыхъ для нихъ пришельцахъ. Но дикари, мучающіе бѣлыхъ, легко отличаютъ человѣка храбраго отъ трусливаго, сильнаго волею отъ малодушнаго. Что же можетъ найдти себѣ, говоря вообще, антропологъ въ этихъ общихъ выраженіяхъ ощущеній для своихъ спеціальныхъ цѣлей? Конечно очень не много, и потому-то онъ ставитъ ихъ на второй планъ и если интересуется ими, то только тогда, когда или вслѣдствіе какой либо особенности племени, или усвоеннаго ими свойства, эти выраженія становятся племенными, но и въ этомъ случаѣ они по большей части являются только этнографическими подспорными данными, а не антропологическими, т. е. другими словами: они здѣсь въ большинствѣ случаевъ являются своеобразными и видоизмѣненными подъ вліяніемъ общественныхъ и бытовыхъ условій, результатомъ преданія и переимчивости, а не измѣненія организаціи. Поэтому антропологическая физіогномика и беретъ главнѣйшую и существеннѣйшую часть матеріаловъ для своихъ выводовъ изъ анатомическихъ или морфологическихъ данныхъ строенія лица и тѣла, какъ такія, кои укоренились наслѣдственно, передаются естественнымъ образомъ, составляютъ прирожденныя племенамъ отличія. Для своихъ цѣлей антропологическая физіогномика ставитъ иногда на значительно видное мѣсто при своихъ заключеніяхъ такіе признаки, кои не важны для физіогномиста вообще, какъ напримѣръ цвѣтъ волосъ и глазъ.

Строго говоря, можно бы назвать эту сторону антропологическаго изученія не антропологическою физіогномикою, но антропологическою морфологіею, отдѣломъ, изучающимъ общую форму и habitus племенъ, оставляя за физіогномикою тѣ задачи, кои приписываются ей физіологами и психологами, но врядъ ли это было бы удобно. Конечно можно придираться къ взятому нами термину и высказать противъ него большее или меньшее число остроумныхъ возраженій, но равнялась ли бы польза отъ нихъ потраченному остроумію и діалектики? Этотъ терминъ тѣмъ удобенъ, что онъ прямо характеризуетъ и цѣль наблюденія физіогномическихъ данныхъ словомъ «антропологическая», и спеціальный предметъ изслѣдованія—физіогномію или habitus, общій видъ племени. Правда слову физіогномія мы привыкли придавать болѣе спеціальное и болѣе узкое значеніе, ограничивая его въ общежитіи областію лица. Но это тоже не вѣрно: ни одинъ физіогномистъ не дѣлаетъ своихъ заключеній по одному только измѣненію чертъ лица, ни одинъ физіогномическій трактатъ не ограничивается исключительно анализомъ лицевыхъ измѣненій. Часто лице, подъ вліяніемъ силы воли, молчитъ, но душевное настроеніе выражается едва замѣтною нервностью руки, быстрымъ мимолетнымъ движеніемъ тѣла. Всѣ физіогномисты принимаютъ во вниманіе физіогномику животныхъ, а у нихъ лицевыя части играютъ второстепенную роль въ громадномъ большинствѣ случаевъ и характеръ

ощущеній выражается болѣе въ складѣ тѣла, въ позѣ, въ пріемахъ. Лице человѣка является только болѣе подвижнымъ и тонкимъ отраженіемъ происходящаго, болѣе доступнымъ зеркаломъ душевныхъ состояній, и потому оно по праву первенствуетъ, но далеко не исключаетъ остальнаго. Кромѣ того, если бы мы замѣнили этотъ употребленный нами терминъ выраженіемъ «антропологическая морфологія», то этимъ далеко не улучшили бы дѣла. Всякій, хотя и не всегда вполнѣ, пойметъ, что значитъ антропологическая физіогномика, но нельзя того же сказать о терминѣ антропологическая морфологія, имѣющемъ не измѣримо болѣе обширное и менѣе рѣзко очерченное содержаніе. Чего нельзя только подвести подъ это слово изъ строенія племенъ! Все, что представляетъ характеристическую форму въ строеніи тѣла и его органовъ, подойдетъ сюда и пожалуй потребуется для антропологическаго изученія habitus племенъ сочинить новый терминъ. Будемъ же употреблять принятый нами, такъ какъ при малѣйшемъ желаніи понять его онъ вполнѣ ясенъ и опредѣленъ.

Взятая въ указанномъ нами смыслѣ антропологическая физіогномика изучаетъ всю фигуру человѣка во внѣшнихъ ея свойствахъ и проявленіяхъ, на сколько они являются отклоняющимися отъ другихъ, на сколько они характеристичны для того или другаго племени. Она беретъ свои данныя изъ размѣра роста, изъ отклоненій отъ нормы всѣхъ частей тѣла. Ея методъ—есть методъ измѣренія, методъ пропорцій для однихъ частей, методъ строгой классификаціи признаковъ и ихъ значенія съ другой. Она вырабатываетъ послѣдовательность оттѣнковъ цвѣтовъ, встрѣчающихся на кожѣ, волосахъ, глазахъ. Она распредѣляетъ эти цвѣта по нумерамъ и даетъ такимъ образомъ наблюдателямъ, находящимся въ самыхъ отдаленныхъ другъ отъ друга мѣстностяхъ возможность обозначить совершенно одинаково и сходно одно и тоже явленіе цвѣтности, независимо отъ субъективныхъ свойствъ и взглядовъ лицъ производящихъ изслѣдованіе. Она замѣнила общіе описательные признаки «большой, малый, средній, короткій и длинный», извѣстными пропорціями частей и дала предѣлы, указавъ на которые всякій можетъ составить себѣ точное понятіе объ относительной величинѣ и формѣ органа.

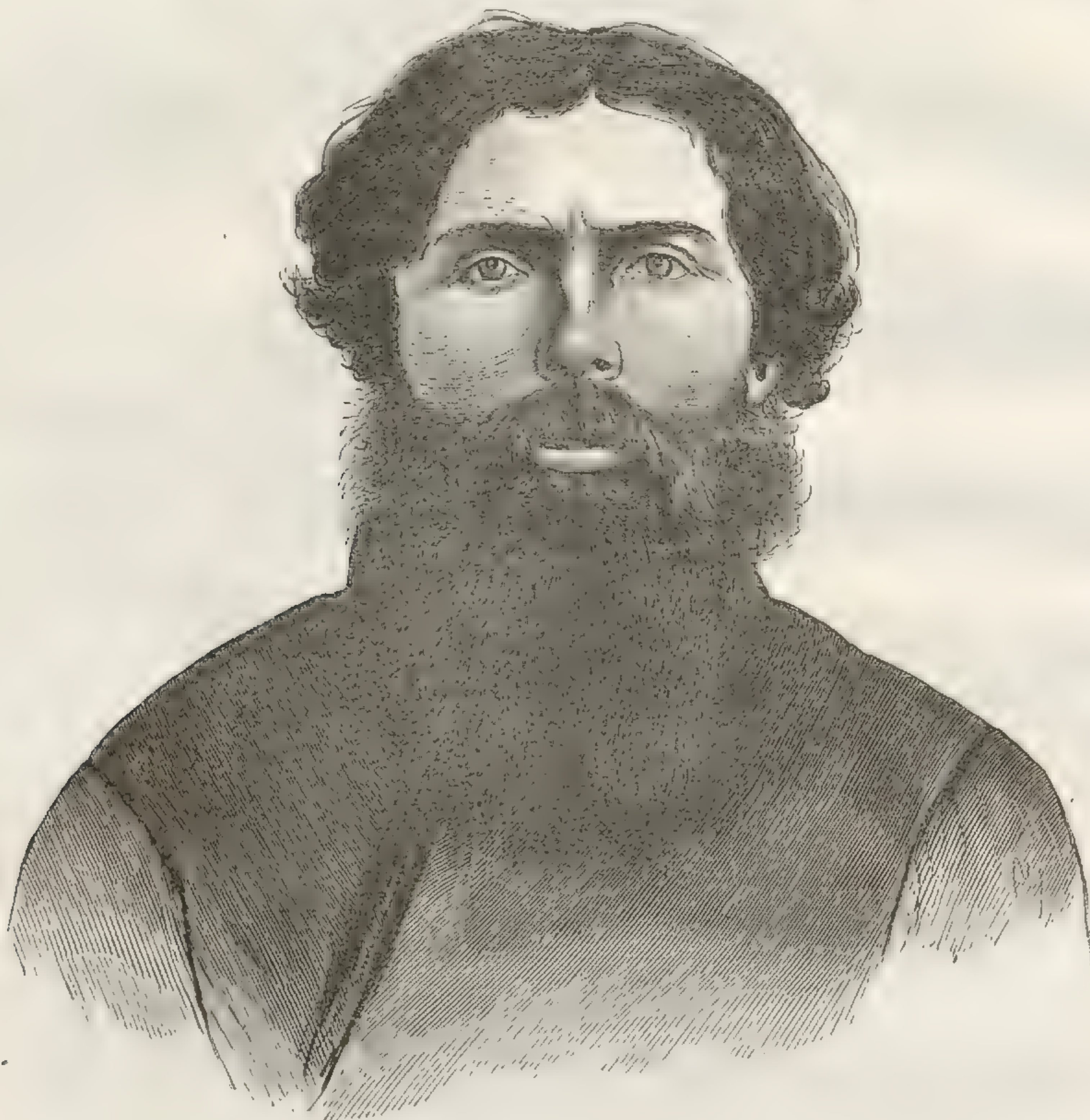
Какъ это важно во многихъ случаяхъ—показываетъ ежедневно повторяющійся опытъ при раскопкахъ. Мало мальски значительный черепъ, вынутый изъ кургана, а въ особенности кости конечностей, признаются не спеціалистами обыкновенно принадлежащими, если не великанамъ, то особенно большимъ особямъ, тогда какъ сравненіе показываетъ, что здѣсь нѣтъ ничего, выходящаго изъ обыкновеннаго уровня. Какъ не вѣренъ глазомѣръ и какъ подвержены личнымъ различіямъ взгляды на размѣры предметовъ извѣстно каждому. Если принять въ соображеніе, что наблюденія надъ племенами въ значительномъ большинствѣ случаевъ дѣлаются не медиками и анатомами, а путешественниками, имѣющими только общія научныя свѣдѣнія, то введеніе схемъ для физіогномическихъ наблюденій, уясненіе пріемовъ точнаго опредѣленія значенія наблюденій и правильная регистрація ихъ имѣютъ значительную важность. Малые успѣхи антропологической физіогномики, не по отношенію собиранія фактовъ, а по возможности выводовъ изъ нихъ, и объясняются тѣмъ, что только въ самое послѣднее время было положено начало къ выработкѣ однообразныхъ пріемовъ наблюденій и изслѣдованій по антропологической физіогномикѣ.

Задачи племеннаго физіогномическаго изученія весьма трудны отъ многихъ причинъ, и это также нужно принять въ соображеніе при оцѣнкѣ сдѣланнаго до сихъ поръ. Всякій естественно-историческій фактъ наблюдается и усвоивается тѣмъ легче, чѣмъ онъ проще, чѣмъ менѣе онъ сложенъ и менѣе видоизмѣнился отъ различныхъ постороннихъ причинъ. Если бы племена сохранили ихъ первоначальную чистоту, ихъ признаки расы остались бы во всей неприкосновенности, то дѣло было бы сравнительно легко. Но земной шаръ, именно по отношенію человѣка, представляетъ намъ въ этомъ случаѣ самую запутанную задачу. По мнѣнію большинства антропологовъ на земномъ шарѣ не осталось племенъ, никогда не подвергавшихся смѣшенію; по мнѣнію другихъ число ихъ крайне мало и ограничено, такъ какъ громадное большинство того, что мы называемъ въ настоящее время племенами, есть результатъ историческихъ смѣшеній различныхъ племенъ. Кромѣ того самое понятіе племя очень эластическое: всякая группа, отдѣленная религіею, нарѣчіемъ и обычаями, считается обыкновенно племенемъ, но само собою понятно, что всѣ эти фигурирующія въ антропологическихъ инвентаряхъ племена далеко не имѣютъ одинаковаго антропологическаго значенія. Они различны и по отношенію степени чистоты крови и расы, и по степени уклоненія ихъ признаковъ отъ того первоначальнаго корня, изъ коего они произошли. По объяснимому и понятному, хотя и странному ходу человѣческаго развитія, именно человѣческія племенныя естественно-историческія различія всего меньше обращали на себя вниманіе наблюдателей и скорѣе являлись, до послѣдняго времени, любопытнымъ придаткомъ къ изслѣдованіямъ путешественниковъ, чѣмъ ихъ существенною цѣлію. Кромѣ того племена, наиболѣе удобныя для изслѣдованія, освоившіяся съ наукою и небоящіеся ея, каковы европейскія и наиболѣе цивилизованныхъ мѣстностей другихъ странъ, представляются и наиболѣе смѣшанными. Антропологу поэтому почти всегда приходится или удобно наблюдать то, что по сущности, вслѣдствіе смѣшенія, представляетъ значительныя затрудненія для дознанія характеристичныхъ признаковъ племени, или же, если онъ имѣетъ возможность наблюдать болѣе или менѣе чистое племя, то встрѣчать трудности въ самомъ производствѣ полныхъ и точныхъ опытовъ, не говоря уже о затрудненіяхъ, кои представляются искусственными видоизмѣненіями лица и членовъ вслѣдствіе господствующихъ въ разныхъ мѣстахъ привычекъ. Что въ цвѣтѣ лица принадлежитъ загару, дѣйствію перемѣнъ температуры и нечистоплотности и что составляетъ естественную характеристику, до этого на практикѣ часто добраться весьма трудно. Всякому извѣстно какъ можетъ измѣнить выраженіе оттянутая губа, искусственно сплюснутый носъ, штукатурка лица разными красками, а это сплошь и рядомъ встрѣчается антропологу—физіогномисту. Поэтому-то, если онъ дастъ только простое описаніе видѣннаго, изложеніе произведеннаго на него извѣстнымъ племенемъ впечатлѣнія, то такое описаніе не только неудовлетворительно, но даже можетъ привести къ невѣрнымъ заключеніямъ.

При изученіи физіогномическихъ признаковъ съ антропологическими цѣлями нужно выдѣлить все то, что принадлежитъ чисто бытовымъ этнографическимъ

чертамъ. Извѣстный костюмъ, извѣстный способъ прически, мѣстныя особенности окружающей обстановки служатъ весьма сильными средствами для приданія извѣстной характеристичности физіогноміи. Измѣните прическу, надѣньте обыкновенный костюмъ и рѣзкость впечатлѣнія во многихъ случаяхъ исчезнетъ. Будетъ казаться нѣчто особенное въ такомъ переодѣтомъ инородцѣ, но онъ далеко не будетъ такъ рѣзко отличаться отъ другихъ представителей племенъ, какъ при своей естественной обстановкѣ. Вотъ эту-то работу выдѣленія всего того, что можетъ вліять изъ этнографическихъ условій племени и слѣдуетъ дѣлать антропологу, и всякій пойметъ на сколько подобная задача, такой анализъ придаточнаго, декоративнаго, труднѣе непосредственнаго описанія видѣннаго и на сколько онъ требуетъ подготовительной работы и способности къ наблюденіямъ. У Европейскихъ племенъ является таже задача, но въ иной формѣ: тутъ костюмъ не выдѣляетъ особенности существующаго, а наоборотъ часто вводитъ въ заблужденіе менѣе внимательнаго наблюдателя и заставляетъ его находить различія, или по крайней мѣрѣ не даетъ ему возможности найдти общія черты, тамъ, гдѣ онѣ дѣйствительно существуютъ. Актеры и гримировка ихъ уясняютъ это намъ на дѣлѣ постоянно: одно и тоже лице съ лысымъ парикомъ и бритымъ подбородкомъ или съ длинными волосами на головѣ, бородѣ и бровяхъ, будетъ производить совершенно различное впеча-

Фиг. 1. Портретъ въ фасъ изъ Антропологическаго альбома.

Крестьянинъ Владимирецъ.

тлѣніе и имѣть не одинаковый физіогномическій характеръ. Проборъ по срединѣ головы, бакенбарды, той или другой формы, бритый подбородокъ или борода a'la Викторъ Эммануилъ, сдѣлаютъ изъ русской простодушной физіогноміи, если не совсѣмъ англичанина или италіянца, то все таки обратятъ ее въ лубочный портретъ ихъ, который издали, или при неопытности, и введетъ въ соблазнъ умозаключеніе относительно племенной или національной принадлежности. Если это еще соединено съ нѣкоторымъ лоскомъ, съ умѣньемъ схватить и затормозить на своемъ лицѣ то или другое характеристичное выраженіе иной національности, то является нѣчто весьма похожее на оригиналъ. Такимъ образомъ смѣшеніе племенъ и этнографическія особенности ихъ обычаевъ, вліяющихъ на физіогномику, подкладываютъ не одинъ камушекъ на пути, по которому долженъ идти антропологъ, и онъ долженъ смотрѣть въ оба, чтобы не споткнуться о него при своихъ умозаключеніяхъ.

Всѣ племена, какъ говорятъ описанія путешествен-

никовъ, представляютъ значительныя варьяціи между своими представителями, не исключая даже племенъ, считаемыхъ за наиболѣе чистокровныя. Что принимать здѣсь за характерный признакъ въ этихъ видоизмѣненіяхъ: частость ли его появленія, или наиболѣе типичное выраженіе его? И то, и другое представляетъ и свои удобства, и неудобства. Избраніе наиболѣе типичнаго удобнѣе въ томъ отношеніи, что оно даетъ въ одномъ представителѣ соединеніе признаковъ, особенно характерныхъ, но оно субъективно, оно зависитъ отъ взгляда, часто отъ предвзятаго мнѣнія, не говоря уже объ умышленномъ избраніи типа, что также къ сожалѣнію представляла антропологія, хотя и въ рѣдкихъ случаяхъ и подъ вліяніемъ совершенно не научныхъ соображеній. Примѣромъ этого можетъ служить блаженной памяти теорія туранскаго происхожденія русскихъ, выдвинутая какъ противодѣйствіе славянскимъ симпатіямъ русскихъ. Методъ среднихъ чиселъ болѣе объективенъ, болѣе стоитъ внѣ произвола, но онъ, какъ и всякой выводъ, основанный на изученіи среднихъ, даетъ только частость появленія признака, большую или меньшую вѣроятность его наблюденія въ данномъ населеніи или лучше въ данной численности его особей, но грѣшитъ тѣмъ, что не выдвигаетъ главнаго характеристичнаго отъ придаточнаго. Кромѣ того, какъ показали Бертильонъ

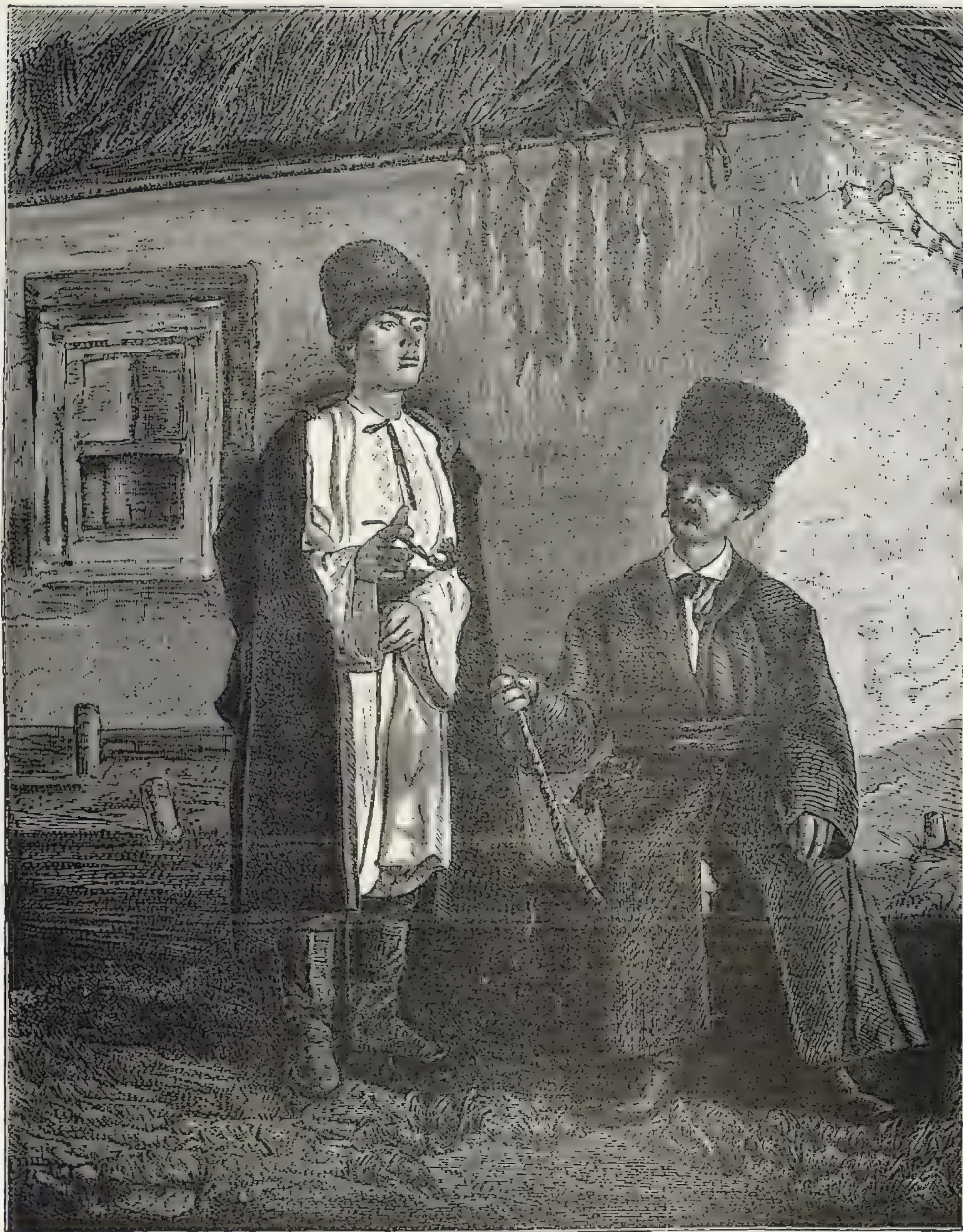
Фиг. 2. Портретъ въ фасъ изъ Антропологическаго альбома.

Крестьянинъ, молодой извощикъ, Московской губерніи.

и другіе, полученіе среднихъ чиселъ отдѣльныхъ признаковъ не даютъ еще возможности составить изъ нихъ среднее цѣлое, дѣйствительно существующее. Извѣстная ширина носа у какого либо населенія можетъ представлять такую же частость и такую же величину, какъ напримѣръ извѣстная форма скулъ, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы непремѣнно полученная нами средняя форма носа встрѣчалась непремѣнно съ полученною среднею формою скулъ, и можетъ случиться, что если бы по этимъ среднимъ мы возсоздали физіогномію человѣка въ рисункѣ, то онъ произвелъ бы на насъ впечатлѣніе совершенно иное, чѣмъ мы ожидали. Что сказано о двухъ признакахъ еще болѣе приложимо къ совокупности ихъ. Еще чуднѣе выйдетъ картина физіогноміи, если мы изъ всѣхъ среднихъ размѣровъ создадимъ фигуру; тогда даже можетъ выйдти совсѣмъ

Фиг. 3. Группа изъ Этнографическаго альбома.

Малороссы Кіевской губерніи, Бердичевскаго уѣзда, группа бывшая на Московской Этнографической выставкѣ 1867 г.

неестественное и даже каррикатурное по отношенію къ изучаемому типу. Поэтому кромѣ крайнихъ чиселъ, выражающихъ среднюю величину, среднее числовое выраженіе признака, указываютъ еще и предѣльныя величины, графически изображаютъ ходъ варьяцій каждаго существеннаго признака для племеннаго различія. Среднія числа составляютъ часто незамѣнимое средство подойдти къ рѣшенію изслѣдуемаго морфологическаго вопроса, даютъ незамѣнимыя указанія и освѣщаютъ путь къ цѣли, но не даютъ прямо этой цѣли въ руки изслѣдователя, каковою въ данномъ случаѣ является установленіе типической формы физіогноміи. Бертильонъ справедливо замѣтилъ, что есть существенное противорѣчіе въ смыслѣ словъ «среднее» и «типъ»: все то что является среднимъ, промежуточнымъ, безхарактернымъ, то не можетъ быть типичнымъ.

Ни слова, ни описанія, ни измѣренія не дадутъ вполнѣ законченнаго представленія о физіогномическомъ типѣ племени, и естествоиспытатель всегда будетъ прибѣгать къ рисункамъ для полнаго уясненія задачъ антропологической физіогномики. Конечно всякій удовлетворительный рисунокъ, изображающій лице и фигуру, даетъ болѣе или менѣе опредѣленное понятіе о ней, но для цѣлей антропологической физіогномики требуются особаго рода изображенія. Антропологъ не преслѣдуетъ, какъ портретистъ, наиболѣе удачнаго выраженія, наибольшей эффектности и выразительности фигуры; для него важны ея точность, вѣрная передача пропорцій, размѣровъ, соотношенія частей. Эти размѣры будутъ наиболѣе подходить къ дѣйствительности, когда фигура обращена къ зрителю или въ фасъ, или въ профиль. Поэтому-то антропологъ и снимаетъ свои портреты въ этихъ положеніяхъ, т. е. именно тѣхъ, которыя избѣгаютъ художники и всѣ снимающіеся, желающіе произвести своею особою наиболѣе выгодное впечатлѣніе. Цѣль всякихъ антропологическихъ изысканій есть сравнительное изученіе признаковъ, типовъ и племенъ, поэтому первымъ и основнымъ требованіемъ для всего, имѣющаго служить матеріаломъ для изученія и изслѣдованія вопросовъ этой науки, должно быть то, чтобы оно было удобосравнимаемо, въ общемъ и въ частностяхъ, со всѣми другими подобными фактами или наблюденіями; естественно, что и портреты, сдѣланные съ антропологическою цѣлію, должны удовлетворять этому требованію, и это строго возможно и удобно только въ сказанныхъ двухъ положеніяхъ фаса и профиля. При всѣхъ другихъ положеніяхъ явится большій или меньшій наклонъ частей, явится не проэкція линій и очертаній, а перспективный видъ ихъ, который можетъ быть и изящнѣе по впечатлѣнію, но менѣе полезенъ по научному приложенію.

И такъ, для полнаго ознакомленія съ физіогномическими признаками требуется непремѣнно изображеніе, какъ дополняющее то, что не могутъ передать описанія и измѣренія, какъ подробно не было бы они сдѣланы. Человѣческое лице представляетъ вездѣ одни и тѣже существенныя части; вездѣ у всѣхъ племенъ лицевыя ощущенія производятся одними и тѣми же мышцами, сопровождаются одинакими измѣненіями наружныхъ частей; но это вѣрно только относительно общности, а не деталей: относительное развитіе и относительная подвижность мускуловъ варьируютъ безпредѣльно. Отъ того мы въ каждомъ племени можемъ найдти извѣстныя постоянныя частныя типическія выраженія и тѣмъ подвести всѣ встрѣчающіяся варьяціи къ небольшому числу подраздѣленій, но самыя типическія группы эти представятъ безконечные оттѣнки. Глазъ нашъ часто улавливаетъ такія различія, которыя мы выразить словами не умѣемъ, какъ не съумѣемъ перевести ихъ на числовой языкъ антропометріи. Наоборотъ, мы часто замѣчаемъ сходство, и сходство осязательное у лицъ, съ перваго взгляда и разсматриваемыхъ отдѣльно, представляющихъ различія, и тоже

Изъ альбома Нижегородской Мордвы.

Фиг. 4. Мордовскій типъ, попадающійся часто и между обрусѣлыми крестьянами Средней Россіи.

не въ состояніи опредѣлить этого словами. Производимое впечатлѣніе тоже, характеръ выраженія тотъ же, хотя частности и различны. Это всего чаще встрѣчается между членами одной и той же семьи, на которую, кромѣ кровныхъ вліяній, вліяетъ еще единство обстановки, привычекъ, внѣшнихъ условій, накладывающихъ сплошь и рядомъ свою печать на цѣлый рядъ физіогномій. Какого труда потребовалось бы описать словомъ всѣ эти безчисленные оттѣнки,

какую массу цифръ и отношеній нужно было бы воспроизвести, чтобы выразить каждую физіогномію со всѣми особенностями ея выпуклостей и углубленій, степени кривизны, протяженія линій по антропометрической схемѣ. Перейдите за границы племени, начните изучать представителей другихъ, и тамъ опять встрѣтите своеобразные ряды сочетаній: пока эти сочетанія не выяснены въ своемъ значеніи, въ своихъ соотвѣтствіяхъ и сопричинности, до тѣхъ поръ скопленіе подобныхъ описательныхъ деталей было бы не обогащеніемъ науки, а ея загроможденіемъ, тѣмъ болѣе, какъ могло оказаться современемъ, что исходные пункты для измѣреній брались нами не тѣ; что мы ихъ комбинировали искусственнымъ образомъ и совершенно не по тому методу, по которому можно придти къ положительнымъ выводамъ. Игнорировать совершенно то, что мы не понимаемъ, было бы также вредно въ наукѣ, потому что время можетъ выставить его значеніе и важность, какъ это показалъ недавній фактъ съ вопросомъ о частностяхъ строенія одной изъ планетъ; одни утверждали, что извѣстная частность должна быть на ней на основаніи теоретическихъ соображеній, другіе отвергали ее потому, что она не была наблюдаема. Вопросъ рѣшила фотографія, этотъ непредубѣжденный свидѣтель, заносящій безразлично и безъ предвзятой идеи все дѣйствительно существующее: на ней нашли дѣйствительно то, на что не обратили вниманіе наблюдатели. По отношенію такихъ-то частностей, которыхъ мы еще не знаемъ, но которыя могутъ оказаться особенно важными по чему либо впослѣдствіи, я не замѣнимы собранія фотографій, и чѣмъ въ большемъ числѣ, тѣмъ лучше. Для научнаго значенія ихъ важно только то, чтобы онѣ были произведены въ удобосравниваемомъ видѣ, т. е. въ фасъ и въ профиль, и чтобы были обозначены тѣ данныя, на основаніи коихъ только и могутъ дѣлать сужденія антропологи, т. е. чтобы указано было племя, возрастъ, мѣстность и даже время снятія. Элементъ времени немного значитъ въ ближайшій періодъ къ тому, въ который были сняты портреты, но онъ получаетъ все большее и большее значеніе во многихъ случаяхъ по мѣрѣ того, какъ человѣчество отдаляется отъ него. Указаніе времени снятія портрета можетъ имѣть и извѣстное антропологическое, и этнографическое значеніе, и именно вотъ почему.

Каждое племя, сохраняя свои типическія черты и независимо отъ смѣшенія, претерпѣваетъ съ теченіемъ

Изъ Русскаго Этнографическаго альбома.

Фиг. 5. Портретъ одного изъ духовныхъ лицъ г. Москвы съ типомъ русскаго лица. Политипажъ не вполнѣ передаетъ впечатлѣніе, производимое подобнымъ лицемъ.

времени извѣстныя измѣненія подъ вліяніемъ тѣхъ внѣшнихъ факторовъ развитія и той обстановки, въ которой оно живетъ. Наблюденія дѣлаютъ весьма вѣроятнымъ, по крайней мѣрѣ относительно европейскихъ народовъ, что подъ вліяніемъ умственнаго развитія средняя величина черепа увеличивается, очертанія головы и относительныя частности ея развитія измѣняются. За это говорятъ не одни только наблюденія надъ древними французскими черепами, сравненныя съ современными, такъ какъ эти выводы еще могутъ быть подвержены серьезному сомнѣнію съ точки зрѣнія строгихъ антропологическихъ требованій по отношенію безупречности выводовъ: тутъ можетъ быть случай игралъ важную роль, доставивъ наибольшую долю малоголовыхъ между древними кладбищенскими черепами; за тѣмъ можно возразить, что число наблюденій сдѣлано сравнительно мало для важности вывода, что, наконецъ, мы не знаемъ было ли небольшое число кладбищенскихъ изслѣдованныхъ череповъ по своему происхожденію совершенно одинаково съ сравниваемыми нынѣ живущими по отношенію примѣси тѣхъ первоначальныхъ элементовъ, изъ коихъ сложились современные французы. Но существуютъ наблюденія, замѣченныя всѣми, въ особенности шляпниками, несомнѣнно доказывающія самымъ вѣрнымъ факторомъ, численностію сбыта товара, что чѣмъ сравнительно развитѣе классъ народонаселенія, тѣмъ большій размѣръ головы онъ имѣетъ, тѣмъ большія

шляпы для него нужны. Это измѣненіе головы не выражается только въ простомъ разбуханіи ея во всѣ стороны, а въ извѣстной моделлировкѣ. Каменьщики и землекопы имѣютъ не только меньшія головы, чѣмъ напримѣръ медики, артисты и художники, но голова ихъ представляетъ своеобразныя особенности: съ развитіемъ умственной жизни развивается преимущественно лобная часть, и достаточно просмотрѣть рядъ портретовъ людей, отличившихся въ наукѣ, искусствѣ, литературѣ и промышленности, чтобы убѣдиться въ этомъ. Мы не даромъ употребляемъ, желая выразить извѣстное хорошее впечатлѣніе отъ человѣка, выраженіе: «онъ хорошая голова», но и говоримъ: у него прекрасный лобъ, когда стараемся отмѣтить впечатлѣніе, произведенное умнымъ и энергическимъ человѣкомъ; не даромъ также заклеймили названіемъ «мѣднаго лба» извѣстныя качества, далеко намъ не симпатичныя и во всякомъ случаѣ не могущія считаться возвышенными съ умственной и нравственной точекъ зрѣнія. Если очертанія лба измѣняются, если общій видъ и соотношеніе его съ другими частностями формы головы варьируютъ съ теченіемъ времени, то и физіогномическое впечатлѣніе будетъ также измѣняться отъ развитія въ народахъ умственной жизни между все большею и большею массою. Это происходитъ не только отъ того, что умственному труду подвергается все большее и большее число лицъ, передающихъ по закону наслѣдственности пріобрѣтенное улучшеніе формировки лба и увеличеніе размѣровъ черепа, но умственный элементъ, элементъ развитія, все болѣе и болѣе входитъ съ теченіемъ времени, какъ необходимый факторъ, даже въ воспитаніе тѣхъ, кои отправляютъ ремесла, мѣшающія развитію размѣровъ мозга и головы. Вѣроятно не много пройдетъ времени, когда «tête de maçon,» составляющая по своей малости предметъ незавиднаго сравненія и синонимъ глупости, потеряетъ свое фактическое основаніе и станетъ такою же археологическою поговоркою, какими стали многія изъ нихъ, потерявъ съ теченіемъ времени свою историческую причину. Школа и осмысленность ремесла сдѣлаютъ съ теченіемъ времени свое дѣло. Такимъ образомъ историческій рядъ фотографій дастъ современемъ антропологамъ точный матеріалъ для изученія измѣненія племенъ подъ вліяніемъ культурныхъ условій и дополнитъ и оживитъ то, что будущимъ изслѣдователямъ придется получать изъ изученія черепов и изъ письменныхъ свидѣтельствъ.

То, что фотографія даетъ антропологу, то искусство, живопись, даетъ этнографу и физіогномисту. Фотографія передаетъ черты, искусство живописи выраженіе. Если просмотрѣть серію портретовъ, писанныхъ самыми лучшими художниками въ картинныхъ галлереяхъ и принадлежащихъ болѣе или менѣе отдаленному отъ насъ времени, то нельзя не поразиться своеобразностію выраженія, оригинальностію, такъ сказать, типа людей прежнихъ временъ. Въ нихъ можно найдти и физическую силу, и рыцарское благородство, красоту Венеры и Діаны, но нельзя найдти той глубины выраженія лица, того преобладанія умственной жизни, того анализа ощущеній, который все чаще и чаще встрѣчается въ современныхъ намъ портретахъ. Сравните портретъ дѣятелей Екатерины, съ точки зрѣнія выраженія лицъ ихъ, съ современными выдающимися и вы невольно почувствуете, что лица эти принадлежатъ двумъ эпохамъ, двумъ стадіямъ развитія культуры. Правда и теперь можно встрѣтить лица, которыя сохранили въ себѣ какъ бы закаменѣлымъ выраженіе прошлыхъ временъ, но къ числу ихъ прибавилось много совершенно своеобразныхъ. Съ развитіемъ умственной жизни, въ человѣчествѣ вообще и въ частности въ какомъ либо народѣ, главнѣйшіе моменты человѣческой внутренней дѣятельности остаются тѣ же, но они дѣлаются разностороннѣе, представляютъ больше разнообразія и впечатлительности; является болѣе оттѣнковъ ощущеній, и самые эти оттѣнки становятся иными. Эти оттѣнки матеріально выражаются въ иной степени сокращенія мышцъ, въ иной разновидности ихъ сочетаній при выраженіи душевныхъ ощущеній. Такимъ образомъ антропологъ—физіогномистъ найдетъ и въ историческихъ фактахъ, даваемыхъ живописью и скульптурою, многія полезныя указанія для себя.

Такимъ образомъ художественное воспроизведеніе физіогномій является необходимымъ для антропологической физіогномики. Слово никогда не передастъ вполнѣ выясненно то, что дѣйствуетъ какъ сочетаніе формъ, цвѣтности, подвижности частей, какъ нельзя описать запаха и цвѣта. Въ физіогномикѣ всегда останется много такого, для чего необходимо прибѣгать къ самому источнику впечатлѣнія, т. е. изображенію или копіи съ него. Такимъ образомъ одни числовыя данныя, одинъ методъ среднихъ, могутъ только освѣтить путь изслѣдованія, дать общія указанія, но не вполнѣ рѣшить задачу; необходимо еще и изображеніе. По отношенію его въ физіогномикѣ останется всегда неизбѣжнымъ выборъ того, что считается характеристичнымъ и является много падающаго исключительно на проницательность и непредубѣжденность наблюдателя, на его способность подмѣчать характеристичныя черты. Нельзя ли найдти правила, коими, если бы и не совсѣмъ былъ положенъ конецъ личному произволу при выборѣ антропологическихъ типовъ, то по крайней мѣрѣ положенъ былъ бы ему нѣкоторый предѣлъ, дано было бы какое нибудь прочное путеводное указаніе?

Мы знаемъ, что даже самыя первобытныя племена представляютъ значительныя физіогномическія отличія въ предѣлахъ своей группы; эти предѣлы отличія становятся еще шире по мѣрѣ смѣшенія съ другими, по мѣрѣ появленія съ развитіемъ племени все большихъ и большихъ различій въ степени развитія. Всѣ дикари стоятъ на одномъ уровнѣ, вліяющемъ уравнивающимъ образомъ и на ихъ физіогноміи. Съ большимъ ходомъ развитія племени и народа эти условія равенства измѣняются, какъ отъ большей или меньшей степени умственной воспріимчивости отдѣльныхъ особей и ихъ способностей, такъ и отъ неодинаковыхъ внѣшнихъ причинъ, дающихъ средства къ этому развитію. Уменьшеніемъ умственныхъ условій къ развитію народа можно достигнуть того, что бывшее разнообразіе выраженій, вытекающихъ отъ степени развитія и воспріимчивости, сгладится и получитъ однообразный оттѣнокъ; можно опять свести въ поколѣніяхъ этимъ путемъ къ заурядному полуживотному выраженію лица. Исторія давала намъ этому примѣры; но нельзя достигнуть обратнаго. Всегда будутъ выдающіяся организаціи, особенно одаренныя натуры, которыя будутъ выдвигаться изъ массы, и хотя число ихъ будетъ постепенно увеличиваться, но никогда онѣ не станутъ исключительно преобладающими. Всегда будутъ существовать неблагопріятныя условія въ развитіи отдѣльныхъ особей, которыя будутъ вредно вліять на развитіе физической стороны ихъ

и будутъ ими передаваться наслѣдственно. Такое же явленіе, хотя и въ меньшей степени, по отношенію физіогномическихъ данныхъ и лицевыхъ ощущеній замѣчается и у первобытныхъ народовъ, хотя и въ меньшей степени, почему они и кажутся намъ болѣе однородными.

При такомъ различіи въ физіогномическихъ частностяхъ, что же изслѣдователь долженъ брать за типъ? Какія формы считать основными, какія разновидностями и случайными видоизмѣненіями ихъ? Что нужно принимать въ извѣстномъ племени или народѣ за типическое выраженіе его? На это, какъ уже сказано, существуютъ два практическіе пріема, считаемые отвѣтомъ на сказанные вопросы. Одни берутъ наиболѣе часто встрѣчающуюся физіогномію, наиболѣе преобладающую по численности въ немъ; другіе наиболѣе характерныхъ представителей, соединяющихъ въ себѣ въ наибольшей степени нѣчто то, совокупность чего придаетъ отличіе народу или племени, и по нимъ составляютъ антропологическій діагнозъ его. Первый пріемъ можно принять за особенно приложимый къ болѣе или менѣе чистокровнымъ племенамъ, гдѣ средняя форма физіогномій говоритъ за то, что при нормальныхъ условіяхъ организаціи и извѣстныхъ постоянныхъ внѣшнихъ вліяніяхъ, устанавливается нѣкоторая норма, выражающаяся въ болѣе частомъ сочетаніи извѣстныхъ пропорцій, размѣровъ, оттѣнковъ. Когда мы разсматриваемъ человѣка съ чисто физической стороны условій его организаціи, то мы должны считать за несомнѣнное, что явленія этой стороны его жизни совершенно аналогичны и даже во многихъ случаяхъ тождественны съ тѣмъ, что мы замѣчаемъ у животныхъ. Поэтому и вопросы, касающіеся физическихъ свойствъ племенъ человѣка, совершенно аналогичны вопросамъ о расахъ животныхъ и должны быть изучаемы тѣмъ же методомъ, тѣми же пріемами, кои дастъ естествознаніе и для этихъ послѣднихъ. Если это такъ вообще съ сказанной точки зрѣнія, то и по вопросу о выборѣ представителей для описанія племенъ, съ точки зрѣнія ихъ общаго вида, мы можемъ найдти указанія въ пріемахъ зоологовъ. Зоологъ имѣетъ у себя и чистыя расы, и смѣшанныя; онъ давно уже работаетъ надъ тѣмъ, чтобы описать, разграничить, разсортировать ихъ; причемъ во многихъ случаяхъ его особенно просвѣщаютъ практическія требованія скотоводовъ и выработанные ими пріемы. Строго говоря, въ природѣ нѣтъ двухъ экземпляровъ животныхъ, сходныхъ другъ съ другомъ, и въ каждой классификаціонной группѣ, будетъ ли то раса или видъ, существуетъ большая или меньшая граница колебаній. Всегда встрѣчаются особи большихъ и меньшихъ размѣровъ, болѣе сильныя и болѣе слабыя, болѣе или менѣе ярко покрашенныя и т. д.. Когда зоологъ подходитъ къ естественной, установившейся группѣ, чистокровной (по крайней мѣрѣ относительно значительнаго числа поколѣній), то онъ беретъ за типическую форму ту, которая преобладаетъ по численности и описываетъ ее, конечно притомъ давая и указанія на встрѣчающіяся видоизмѣненія, на предѣлы этихъ отклоненій. Этотъ пріемъ обусловливается тѣмъ, что зоологу въ этомъ случаѣ необходимы признаки, кои давали бы возможность опредѣлить съ наименьшею трудностію и съ большею увѣренностію каждую встрѣчающуюся особь. Если бы онъ составилъ свое опредѣленіе по наиболѣе выдающимся экземплярамъ, то онъ рисковалъ бы, что его описаніе затруднило бы всякаго другаго, изучающаго тоже, такъ какъ существуетъ гораздо бо́льшая вѣроятность, что ему попадется средняя особь, чѣмъ уклоненіе. Описаніе такихъ постоянныхъ племенъ, расъ и видовъ имѣетъ чисто таксономическое, классификаціонное значеніе, и здѣсь рѣшаетъ законъ преобладанія численности, частость нахожденія формы. Изучая мопса или пуделя, для зоолога интересны не случайныя разновидности его, происшедшія отъ тѣхъ или другихъ внѣшнихъ условій, а то болѣе постоянное сочетаніе, которое одно даетъ ему возможность составить себѣ представленіе о мопсѣ или пуделѣ, какъ представителяхъ естественныхъ группъ, или расъ.

Иное дѣло, если зоологъ перейдетъ къ дворняшкамъ, ведущимъ свою родословную самымъ произвольнымъ образомъ. Пусть имѣетъ онъ дѣло съ цѣлою стаею такихъ дворняшекъ, перемѣшавшихся кровнымъ сродствомъ другъ съ другомъ въ самой различной степени. Можетъ ли его интересовать исключительно средняя форма между ними, такъ какъ онъ знаетъ, что эта средняя форма будетъ среднимъ ариѳметическимъ числомъ, но не среднимъ зоологическимъ. Такимъ среднимъ по отношенію къ различнымъ признакамъ можетъ быть зоологъ и воспользуется для какихъ либо спеціальныхъ цѣлей, но только не для составленія генеалогической таблицы, имѣющихся въ его распоряженіи дворняшекъ. Онъ знаетъ, что въ генетическихъ теоріяхъ признаки не считаются, а взвѣшиваются по ихъ значенію; они классифицируются не по своей численности, но по своей ясности проявленія, по опредѣленности его. Это же дѣлаетъ и скотоводъ для своихъ спеціальныхъ цѣлей. Въ данномъ случаѣ зоологу въ каждой особи важно то, что даетъ ему указаніе на вліяніе расы; для него особенно поучительны тѣ, хотя бы немногія, особи, кои соединяютъ въ себѣ характерные признаки той или другой расы и кои даютъ возможность найдти ключь къ уясненію вліянія смѣшенія на формы, кои онъ имѣетъ передъ глазами. Зоологъ будетъ здѣсь выбирать характеристическія особи, а не добиваться среднихъ наименѣе выдающихся формъ. Тоже мы имѣемъ и въ смѣшанныхъ племенахъ человѣка; тѣ же затрудненія, тѣже вопросы и тѣже цѣли встрѣчаемъ мы при изученіи ихъ антропологическихъ свойствъ. Для антрополога въ большинствѣ случаевъ не особенно важно дознать, какое смѣшеніе признаковъ явилось въ дѣйствительности преобладающимъ въ данномъ частномъ случаѣ по численности въ смѣшанномъ племени, а найдти указанія на то, изъ какихъ племенъ произошло это смѣшеніе, какое изъ нихъ преобладаетъ въ какихъ либо свойствахъ; не явилось ли какого либо новаго сочетанія признаковъ, которое вызвало образованіе чего либо стойкаго, постояннаго въ естественно-историческомъ смыслѣ.

Европейскія народонаселенія, смѣшанныя самымъ разнообразнымъ образомъ, всего болѣе подвергались подобному анализу съ антропологической точки зрѣнія. Что должны мы разумѣть подъ современными Французами, Нѣмцами, Русскими? Суть ли это термины, исключительно обозначающіе извѣстныя политическія, лингвистическія, національныя и территоріальныя сочетанія, или это вмѣстѣ съ тѣмъ и извѣстныя группы въ антропологическомъ отношеніи? Что въ этихъ типахъ обусловлено извѣстными этнографическими и культурными условіями и что принадлежитъ въ нихъ крови и организаціи? Эти вопросы не разъ занимали и этнографовъ, и историковъ, и антропологовъ, и каждый старался уяснить ихъ съ своей спеціаль-

ной точки зрѣнія, тѣмъ болѣе, что рѣшеніе, или по крайней мѣрѣ уясненіе такихъ вопросовъ выходитъ изъ круга кабинетныхъ задачъ и связывается тѣсно со многими серьезными общими вопросами, затрогивающими интересы многихъ отраслей знанія. Для рѣшенія ихъ начинали съ среднихъ и статистическихъ данныхъ. Изучали среднюю высоту роста, преобладающую цвѣтность волосъ, особенно распространенныя краніологическіе признаки, и составляли карты распространенія этихъ признаковъ въ изучаемой странѣ. Оказалось, напримѣръ, что сѣверная Франція представляетъ преимущественно бѣлокурое, высокорослое населеніе съ свѣтлыми глазами, а южная даетъ преобладаніе низкорослымъ, черноволосымъ и черноглазымъ. Тоже различіе въ географическомъ размѣщеніи сказанныхъ признаковъ показываетъ и Германія. Затѣмъ опредѣлены были болѣе частныя области, въ границахъ государства, преобладанія того или другаго признака; начался болѣе подробный анализъ общихъ выводомъ и числа стали размѣщаться и изучаться по меньшимъ отдѣламъ территоріи, по ея подраздѣленіямъ. До сихъ поръ шли методомъ классификаціоннымъ, методовъ большихъ чиселъ: но задачи поставлены, подраздѣленія сдѣланы, нужно перейдти къ возстановленію признаковъ первоначальныхъ типовъ, ихъ сродства съ тѣми или другими племенами. Если они вымерли, то опять дѣло идетъ на сравненіе среднихъ формъ съ средними, но если существуютъ еще живущія, то между ними для сравненія выбираютъ тѣхъ представителей, кои наиболѣе типичны; тутъ уже не считаются признаки, а взвѣшиваются. Всего чаще при дознаніи такихъ первоначальныхъ племенъ приходится прибѣгать къ историческимъ сказаніямъ о племенахъ, къ переданнымъ историками характеристикамъ исчезнувшихъ племенъ, а они описывали не среднее и не заурядное, а наиболѣе поражавшее ихъ, выдающееся, типическое.

Отличили мы наконецъ два, три племени, служившія первоначальнымъ источникомъ образованія извѣстнаго смѣшаннаго народа, узнали, напримѣръ, что галлы и франки главнымъ образомъ обусловили современное населеніе Франціи. Между нынѣшними французами будемъ ли мы высматривать эти два типа въ самыхъ заурядныхъ личностяхъ, въ самыхъ ежедневныхъ представителяхъ ихъ, или будемъ отыскивать ихъ въ тѣхъ особяхъ, которыя воплощаютъ въ себѣ въ большей чистотѣ и совокупности расплывчато разбросанные признаки въ массѣ однообразныхъ и мало выдающихся лицъ? Конечно мы сдѣлаемъ послѣднее; мы отыщемъ и изучимъ наиболѣе характерныхъ представителей и высокорослой, и малорослой расы, типическія фигуры съ гальскимъ и франкскимъ характеромъ, и это въ особенности будетъ намъ необходимо, когда мы оспеціализируемъ нашу задачу и сократимъ ее до размѣровъ антрополого-физіогномической. Мы этимъ еще не ограничимся. Кромѣ галловъ и франковъ мы не упустимъ и французовъ, хотя бы ихъ считали и за смѣшанную расу. Исторія, культура, физическія условія страны, путемъ смѣшенія вліяли также на расу и въ свою очередь вырабатывали извѣстный типъ, могущій считаться не исключительно только этнографическимъ, но и антропологическимъ. Мы отличаемъ «француза изъ Бордо» отъ француза съ Сѣвера, но все таки, при взглядѣ на ихъ физіогномію, на ихъ темпераментъ, на способъ выраженія ощущеній, на свойства ихъ способа изложенія и уясненія, мы узнаемъ въ нихъ представителей одного общаго—французовъ, и отличимъ ихъ рѣзко и легко отъ нѣмца. Способности ума, темпераментъ, выраженіе ощущеній, все это тѣсно связано съ извѣстными сторонами организаціи, все это накладываетъ на нихъ вобще и съ точки зрѣнія строенія, съ точки зрѣнія антропологіи.

Когда кто захочетъ изучить типъ физіогномій француза, нѣмца или англичанина, то онъ конечно не возьметъ первую парикмахерскую физіогномію, перваго встрѣтившагося колбасника, а выберетъ тѣхъ представителей, которые воплощаютъ въ себѣ все, что представляется особенно замѣчательнымъ въ характерѣ данной націи. Мы составляемъ себѣ понятіе о народѣ, не только съ культурной стороны и съ художественной точки зрѣнія, но и со стороны физіогномическихъ особенностей по тѣмъ величайшимъ, наиболѣе типическимъ представителямъ, которые вышли изъ извѣстнаго народа. Мы беремъ физіогномію Кювье и Клода Бернара для французовъ, Гете, Шиллера и Гумбольда для нѣмцевъ, Дарвина, Оуэна и Милля для англичанъ. И мы правы въ этомъ случаѣ. Мы не судимъ о какомъ либо растеніи по едва замѣтной, безразличной почкѣ его, а по вполнѣ распустившемуся цвѣтку, по вполнѣ созрѣлому плоду. Такихъ особей мало, какъ геніальные и наиболѣе типическіе представители, но за то каждый изъ нихъ концентрируетъ въ себѣ то, что слабо, безцвѣтно, мельчайшими долями разбросяно въ народѣ, не только со стороны его умственныхъ проявленій, но и со стороны физической, въ особенности развитія и воспріимчивости нервной системы и ея физіогномическаго отраженія въ складѣ головы, лица, выраженія ощущеній. Такое изученіе ведетъ насъ къ изслѣдованію того новаго антропологическаго типа, который вслѣдствіе смѣшенія бытовыхъ и территоріальныхъ условій вырабатывается въ народѣ, составляетъ новый зарождающійся или зародившійся типъ, новый видъ могли бы мы сказать, если бы мы въ антропологіи придерживались того же узкаго опредѣленія, которое по преимуществу господствуетъ въ зоологіи, въ которой всякій малѣйшій признакъ, кажущійся намъ постояннымъ, считается нами и видовымъ.

Такимъ образомъ оказывается, что при рѣшеніи вопросовъ антропологической физіогномики мы неизбѣжно, въ извѣстныхъ случаяхъ, приходимъ къ выбору типическихъ признаковъ, типическихъ физіогномій, хотя мы и не ограничиваемся ими и пользуемся отъ метода среднихъ чиселъ всѣмъ тѣмъ, что они могутъ дать. Мы только не ограничиваемся ими, какъ въ исключительно систематизирующихъ цѣляхъ изслѣдованія, и идемъ дальше. Въ болѣе сложныхъ задачахъ смѣшанныхъ народонаселеній мы пользуемся не однимъ, а всѣми доступными изслѣдованію методами. Въ изученіи смѣшанныхъ народонаселеній по отношенію нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ, напримѣръ о характерѣ происшедшей отъ смѣшенія физіогномики, мы даже почти исключительно дѣлаемъ свои выводы и заключенія по единичнымъ, наиболѣе характернымъ особямъ, т. е. прямо ставимъ методъ среднихъ на второй планъ.

Таковы общія соображенія, которыя невольно приходится обсудить и изслѣдовать, если мы зададимся задачею изучить какое либо племя съ точки зрѣнія антропологической физіогномики. Но частности приложенія уясняются лучше, если мы спеціально перейдемъ къ изученію какого либо племени съ этой, избранной нами, точки зрѣнія. Какое же племя можетъ

быть для насъ и поучительнѣе, и интереснѣе, какъ не то, къ которому мы принадлежатъ, а именно русское, тѣмъ болѣе, что вопросъ о немъ и его физіогномикѣ затрогивался весьма мало и даже не ставился рѣшительно, какъ научный антропологическій вопросъ.

II.

Всякому извѣстно, что «Великоруссы» племя смѣшанное. Исторія заселенія Средней Россіи, являвшаяся въ видѣ обрусѣнія первоначальныхъ инородческихъ обитателей и колонизаціи господствующаго славянскаго типа, показываетъ несомнѣнно, что смѣшеніе, и смѣшеніе въ значительной степени, должно было быть. Это говоритъ и физіогномика, могущая выставить на видъ значительное число самыхъ разнообразныхъ типовъ, отличающихся не только вслѣдствіе этнографическихъ особенностей, вліяющихъ болѣе или менѣе на общее впечатлѣніе, производимое физіогноміею, но также вслѣдствіе очевидныхъ различій кровныхъ. Это разнообразіе поражало нѣкоторыхъ этнографовъ и выражалось даже почти въ отрицаніи какихъ либо общихъ физіогномическихъ чертъ у великоруссовъ. Одинъ изъ хорошихъ и основательныхъ этнографовъ г. Максимовъ, обозрѣвая великорусскую группу на бывшей въ 1867 году Этнографической выставкѣ, вотъ что говоритъ о физіогномикѣ великоруссовъ. «Великорусское племя отличается именно тѣмъ, что въ немъ трудно находить одно лицо, похожее на другое, что сплошь и рядомъ встрѣчаемъ мы не только у бродячихъ сѣверныхъ инородцевъ и у кочевыхъ степняковъ, но и у южныхъ горцевъ, а въ особенности у закавказскихъ и русскихъ армянъ. Даже на самой маленькой ярмаркѣ, на небольшомъ базарѣ, всякій желающій безъ труда можетъ убѣдить себя въ томъ, что ничего нѣтъ труднѣе, какъ найдти такія черты, которыя можно было бы почитать общими, и опредѣлить и выяснить для себя такой законъ, который удобно было бы примѣнить для распознанія племенныхъ отличій великоруссовъ. Обычные паспортные пріемы (до сихъ поръ, впрочемъ, не имѣющіе никакого успѣха) нигдѣ не кажутся на столько смѣшными и ненужными, какъ по примѣненію къ лицамъ и особымъ примѣтамъ великоруссовъ. Едва ли только не говоръ одинъ до сихъ поръ можетъ почитаться въ числѣ общихъ *особыхъ примѣтъ*, пригодныхъ про всякій случай человѣку, до сихъ поръ руководимому мертвыми общими мѣстами паспортныхъ отмѣтокъ».

Профессоръ Лесгафтъ, въ одной очень поучительной своей статьѣ о черепахъ Великоруссовъ, сводя всѣ сдѣланныя краніометрическія наблюденія надъ ними, приходитъ къ тому заключенію, что произведенныя до сихъ поръ изслѣдованія надъ краніологіею русскихъ и противорѣчатъ другъ другу, и не даютъ твердой опоры для какихъ либо выводовъ. Съ другой стороны постоянно приводятъ характеристику великоруссовъ въ статьяхъ, имѣющихъ задачею ознакомить съ населеніемъ Россіи. Н. И. Надеждинъ въ 1837 г., напримѣръ, такъ характеризовалъ великоруссовъ: «физіогномія Россійскаго народа, въ основаніи Славянская, запечатлѣна естественнымъ оттѣнкомъ сѣверной природы. Вообще великороссіяне не такъ высоки ростомъ, какъ западные ихъ братья; но за то сложены крѣпко, здоровы и расположены къ тучности. Особенно женщины отличаются дородностію, которая считается однимъ изъ условій красоты въ низшихъ сословіяхъ. Черты лица у обоихъ половъ правильны, но мало выразительны, лобъ вообще узокъ, глаза и ротъ небольшіе, носъ кругловатый. Волосы русые, отчего въ старину производили самое имя «Руси», но по мѣрѣ приближенія къ сѣверу, свѣтлѣютъ болѣе и болѣе, такъ что сбиваются на желтые и рыжіе. Впрочемъ рыжій цвѣтъ въ общемъ пренебреженіи. По этому существенно нравятся, у молодца черные кудри, у дѣвицы — русая коса, какъ видно изъ народныхъ пѣсенъ; послѣдняя, чѣмъ длиннѣе и гуще, тѣмъ сильнѣе зпобитъ сердце молодецкое. Идеалъ красавицы: бѣлое круглое лице, щеки маковъ цвѣтъ, глаза черные съ поволокою, бровь соколиная, поступь павлиная. Молодецъ тоже нравится чернобровый и черноглазый; но его главное достоинство состоитъ въ свѣжести и здоровьи, въ томъ, что называется «кровь съ молокомъ». Суровость климата притупляетъ вообще органы осязанія, вкуса и обонянія; атмосфера большею частію туманная и безпредѣльныя равнины, двѣ трети года покрытыя снѣгомъ, не благопріятствуютъ развитію чувства зрѣнія; за то слухъ очень тонокъ. Отъ Малороссіянъ Великороссіяне отличаются рѣзко тѣмъ, что не имѣютъ той живости въ чертахъ, того огня глазъ, которыя принадлежатъ югу; съ Бѣлоруссами сходны больше, только у этихъ послѣднихъ шея обыкновенно бываетъ вытянута и голова слишкомъ живо ходитъ на плечахъ, тогда какъ у великоруссовъ она кажется вросшею въ плечи, на толстой, короткой шеѣ. Впрочемъ они не уступятъ, или даже превзойдутъ тѣхъ и другихъ, гибкостію членовъ, проворствомъ и расторопностію движеній. Русскій человѣкъ вообще больше крѣпокъ, чѣмъ силенъ; онъ способенъ переносить самые тяжкіе труды, нечувствителенъ къ лишеніямъ, терпѣливъ до безконечности. Какъ по крѣпости сложенія, такъ и по привычкѣ ко всѣмъ суровостямъ воздуха, здоровье его рѣдко подвергается болѣзнямъ безъ особенныхъ случаевъ. Живетъ долго, когда самъ себѣ не накличетъ смерти, и до глубокой старости сохраняетъ бодрость. Женщины скоро теряютъ свѣжесть, но въ старости рѣдко подвергаются тому отвратительному безобразію, которое такъ свойственно южнымъ старухамъ и вѣроятно было поводомъ къ преданію о кіевскихъ «вѣдьмахъ». Быстрота понятія и медленность сужденія принадлежатъ ровно всѣмъ поколѣніямъ русскаго племени, но скрытность выраженія менѣе свойственна Великороссіянамъ, которые вообще разговорчивѣе Малоруссовъ и Бѣлоруссовъ. Великороссіяне не имѣютъ слишкомъ живыхъ чувствъ и пылкихъ страстей. Они не способны къ чрезмѣрнымъ порывамъ, ни въ любви, ни въ ненависти... Въ отношеніи къ способностямъ промышленнымъ, художественнымъ, творческимъ, Великороссіяне, какъ и прочіе ихъ братья, не отличаются изобрѣтательностію, но за то чрезвычайно переимчивы и способны къ подражанію. Чувство эстетическое мало развито въ немъ; что «пестро и шумно, то для него и хорошо, и красно, и весело».

Приведенныхъ выше мнѣній и описаній достаточно, чтобы показать, въ какомъ положеніи находится вопросъ о физіогномикѣ русскихъ, такъ какъ одни и

до сихъ поръ высказываютъ, что отыскивать типа русской физіогноміи тоже, что искать тождества въ формахъ облаковъ, изъ коихъ каждый на свой образецъ; другіе даютъ такую неопредѣленную характеристику физіогноміи русскихъ, что изъ нея не составишь себѣ какого либо опредѣленнаго понятія, подобно тому, какъ изъ словъ Олеарія, признавшаго особо характеристичными признаками русскихъ «обиліе волосъ и толстое брюхо». Третьи, сравнивая имѣющіяся до сихъ поръ попытки уловить на черепѣ и въ измѣреніяхъ характерныя черты морфологіи лица и головы русскихъ, становятся въ тупикъ передъ бѣдностію имѣющагося матеріала и противорѣчіемъ данныхъ. Отъ чего происходитъ это: отъ дѣйствительной ли невозможности найти что либо стойкое въ той помѣси, которая сплотилась исторіею въ группу русскихъ, или же отъ того, что къ вопросу подступали недостаточно выяснивъ его элементы, и не выдѣляя при разсмотрѣніи и повѣркѣ ихъ тѣ, которые могутъ скрадывать и затемнять результатъ? Существуетъ ли великорусская физіогномія и чѣмъ она отличается? Вотъ спеціально интересующій насъ вопросъ, который стоитъ въ зависимости отъ другаго: составляютъ ли Великоруссы только историческій или этнографическій терминъ, или же онъ имѣетъ и извѣстное антропологическое значеніе?

Вопросъ этотъ для насъ имѣетъ особый интересъ, хотя мы по своему обыкновенію не только не особенно занимались имъ, но склонны были заранѣе, на основаніи нашихъ поверхностныхъ наблюденій и предвзятыхъ идей, рѣшить его отрицательно. Жизнь однако же рѣшаетъ его въ положительномъ смыслѣ и не дожидаясь спеціальнаго изслѣдованія антропологовъ. Мы сплошь и рядомъ употребляемъ выраженія: «это чисто *русская* красота, это вылитый *русакъ*, типичное *русское* лице». Можетъ быть, при приложеніи къ частнымъ случаямъ этихъ выраженій и встрѣтятся разногласія между наблюдателями, но, подмѣчая рядъ подобныхъ опредѣленій русской физіогноміи, можно убѣдиться, что не нѣчто фантастическое, а реальное лежитъ въ этомъ общемъ выраженіи «русская физіогномія, русская красота». Это всего яснѣе выражается при отрицательныхъ опредѣленіяхъ, при встрѣчѣ физіогномій тѣхъ изъ родственныхъ племенъ, кои исторически сложились иначе, напримѣръ: малоруссовъ и бѣлоруссовъ, а еще болѣе инородцевъ, и при сравненіи ихъ съ русскими. Въ такихъ случаяхъ, «нѣтъ, это не русская физіогномія», звучитъ рѣшительнѣе, говорится съ большимъ убѣжденіемъ и съ большею опредѣленностію. Въ каждомъ изъ насъ, въ сферѣ нашего «безсознательнаго» существуетъ довольно опредѣленное понятіе о русскомъ типѣ, о русской физіогноміи; что же это, миражъ, устроенный нашимъ воображеніемъ или отраженіе дѣйствительно чего-то существующаго, не только исторически и этнографически русскаго, но и антропологически русскаго?

Къ этому вопросу совершенно естественно долженъ былъ придти всякій, кто выбралъ себѣ для собственнаго поученія изслѣдованіе вопроса о краніологическихъ особенностяхъ народонаселенія Средней Россіи, составляющаго болѣе удобный матеріалъ для изученія русскихъ, чѣмъ окраины ея. Уже нѣсколько лѣтъ меня занималъ этотъ вопросъ и я, насколько позволяли средства, собиралъ для него матеріалъ. Еще въ 1867 году по моей просьбѣ въ Русской фотографіи составленъ былъ антропологическій альбомъ русскихъ, фигурировавшій на Этнографической выставкѣ и затѣмъ въ копіяхъ переданный мною Лондонскому Антропологическому Обществу, Парижскому Антропологическому Обществу и Музеуму Естественной Исторіи въ Парижѣ. Цѣль выставленія этого альбома, а равно и передачи его иностраннымъ антропологическимъ собраніямъ, была та, чтобы вызвать мнѣнія о физіогномикѣ русскихъ. Портреты я старался собирать безъ какой либо предвзятой идеи, отыскивая съ одной стороны тѣ лица, кои мнѣ казались наиболѣе подходящими къ обыкновенно признаваемымъ за болѣе чисто русскія, а съ другой тѣ, кои наиболѣе часто встрѣчаются, хотя и носятъ слѣды инородческой помѣси. Не особенно легко собирать подобные портреты, особенно чисто русскихъ физіогномій, даже мужскихъ. Относительно женскихъ я потерпѣлъ вполнѣ неудачу и возбужденіе въ настоящее время мною вопроса о русскихъ физіогноміяхъ вызвано между прочимъ надеждою, что уясненіе цѣли портретовъ облегчитъ ихъ полученіе. Если встрѣтится физіогномія, вполнѣ интересная, какъ выраженіе русскаго лица, то получить съ нея портретъ въ 99 случаяхъ изъ ста бываетъ невозможно, вслѣдствіе отказа въ позволеніи снять съ себя портретъ въ фасъ и профиль. Такой отказъ почти постоянно встрѣчался у мущинъ, а относительно женщинъ онъ былъ безусловенъ. Приходилось ограничиваться весьма тѣснымъ кругомъ болѣе знакомыхъ лицъ, которыя въ видѣ одолженія соглашались удовлетворить странному требованію, отъ коего они не ожидали ничего путнаго, но соглашались изъ желанія не противорѣчить безвредной маніи знакомаго и близкаго человѣка. Затрудненія встрѣчаются кромѣ того и матеріальныя: снятіе съ каждаго лица двухъ портретовъ въ значительную величину сопряжено съ значительными расходами при большомъ числѣ фотографій, а до послѣдняго времени только одна русская фотографія Н. М. Аласина, во время управленія ея М. А. Зыковымъ, охотно помогала своимъ трудомъ и стараніемъ ученымъ цѣлямъ. Только со времени начала дѣятельности по Антропологической выставки условія измѣнились болѣе благопріятно и явилась надежда собрать въ Москвѣ и другихъ мѣстахъ порядочный матеріалъ по антропологической физіогномикѣ русскихъ.

По появленіи альбома русскихъ я дѣйствительно получилъ нѣсколько замѣчаній. Нѣкоторые русскіе и иностранцы, видѣвшіе собранные портреты, упрекнули меня за предвзятый выборъ особенно хорошихъ лицъ и за тенденціозную прикрасу матеріала, хотя въ альбомѣ сняты были исключительно крестьяне, и какъ сказано, въ различныхъ видоизмѣненіяхъ физіогномическаго типа. Правда, я въ главѣ альбома поставилъ двухъ умныхъ и очень симпатичныхъ Владимірцевъ, бывшихъ въ то время у меня плотниками, но за ними слѣдовалъ рядъ другихъ, безупречныхъ въ отношеніи прикрашенія, такъ какъ это были представители наиболѣе часто встрѣчающихся типовъ, самыхъ обыденныхъ физіогномій. Но иностранцы, да и многіе русскіе, поражаются во всемъ касающемся русскихъ выдающимися отрицательными сторонами, и не только проглядываютъ, но даже считаютъ не нормальнымъ все болѣе или менѣе говорящее въ пользу ихъ. Вѣроятно я не былъ бы подвергнутъ упреку отъ подобныхъ цѣнителей, еслибы выбралъ исключительно представителями физіогномій для своего альбома лицъ съ узкими лбами, съ носомъ въ формѣ луковицы, съ лукавою и глупою физіогноміею, словомъ нѣчто подоб-

ное тому «Савоськѣ», который въ прошедшемъ году, подъ перомъ именитаго русскаго, какъ его отрекомендовалъ журналъ, явился для читателей одного весьма дѣльнаго журнала «Revue scientifique» представителемъ этнографическаго быта и нравственнаго склада русскаго мужика. Другіе высказали то мнѣніе, что великоруссовъ въ антропологическомъ отношеніи не существуетъ и что альбомъ есть сборникъ фотографій нѣкоторыхъ физіогномій, попадающихся въ Россіи, но что онъ вовсе не антропологическій альбомъ, такъ какъ антропологическаго типа великоруссовъ въ чистотѣ, вслѣдствіе смѣшенія, не существуетъ на дѣлѣ. Такъ какъ эти мнѣнія высказаны были съ серіозною, а не тенденціозною цѣлію, то они имѣютъ право на то, чтобы къ нимъ отнестись серіозно, спокойно и научно.

Великоруссы, такъ же какъ и вся Россія, представляютъ такое разнообразное сочетаніе самыхъ разно-

Изъ Антропологическаго альбома.

Фиг. 6. Крестьянинъ Московской губерніи, представляющій въ чертахъ лица замѣтное инородческое происхожденіе. Типъ часто встрѣчающійся въ Москвѣ.

родныхъ явленій, что по отношенію фактовъ, касающихся ихъ, можно подобрать матеріалъ для какихъ угодно выводовъ, въ особенности въ такой еще неустановившейся въ своихъ частныхъ методахъ наукѣ, какъ антропологія. Вѣрныхъ числовыхъ данныхъ, годныхъ для антропологическаго изученія отдѣльныхъ мѣстностей Россіи, не существуетъ, а только подробное изученіе частныхъ и мѣстныхъ спеціальныхъ явленій въ области антропологіи можетъ повести къ чему либо положительному. Не даромъ Ворсо на одномъ изъ международныхъ конгрессовъ доисторической археологіи и антропологіи высказалъ справедливую мысль: успѣхъ конгрессовъ и обезпеченіе ихъ серьозныхъ результатовъ онъ видитъ въ томъ, что они оставили на второмъ планѣ обсужденіе общихъ теорій, изслѣдуемыхъ ими наукъ, и изъ широкой области общихъ обозрѣній перешли къ частному изученію антропологическихъ и археологическихъ задачъ въ каждой странѣ въ отдѣльности, даже въ отдѣльныхъ областяхъ каждой страны. Уже a priori можно

дознать, что результатъ смѣшенія русскихъ и ихъ взаимныя антропологическія соотношенія будутъ иныя на Сѣверѣ, Югѣ, Западѣ и Востокѣ Россіи. Кому захочется провести теорію урало-алтайскаго происхожденія русскихъ, тотъ пусть подберетъ черепа изъ тѣхъ мѣстностей, въ коихъ въ русское народонаселеніе вошли обрусеніемъ племена сказаннаго происхожденія. Для ищущаго своего благополучія въ туранскомъ происхожденіи русскихъ тоже найдутся подходящія мѣстности и подходящій матеріалъ, который на первый взглядъ будетъ даже казаться неподтасованнымъ нарочно. Если это возможно, и дѣйствительно представляется, то первымъ условіемъ антрополога, an und für sich», т. е. дѣйствующаго подъ единственнымъ желаніемъ составить себѣ по возможности наиболѣе вѣрное представленіе о великорусскомъ племени, должно быть обсужденіе и оцѣнка значенія того матеріала, которымъ онъ желаетъ обусловить свои выводы, выдѣленіе всѣхъ тѣхъ элементовъ, кои, помимо его желанія, могли бы влiять односторонне на его выводы. Но прежде всего ему конечно нужно уяснить себѣ, берется ли онъ за разрѣшимую задачу, старается ли онъ опредѣлить нѣчто существующее, нѣчто созданное самою природою, а не однимъ преданіемъ, однимъ историческимъ вліяніемъ языка, религіи, нравовъ. Въ частномъ, занимающемъ насъ вопросѣ, такому предварительному изслѣдованію должно подвергнуться изученіе вліянія смѣшенія племенъ въ Россіи по тѣмъ даннымъ, коими мы можемъ располагать. Если мы ясно опредѣлимъ значеніе смѣшенія, степень его въ русскомъ народонаселеніи различныхъ мѣстностей, то мы, выяснимъ себѣ нѣкоторыя основанія для освѣщенія пути изслѣдованія, мы болѣе прочно и точно поставимъ вопросъ, а хорошая постановка его есть уже половина рѣшенія.

Если мы какой либо народъ озаглавимъ просто терминомъ «смѣшанный», то этимъ скажемъ еще очень мало. Смѣшеніе народонаселенія можетъ быть чисто механическое, можетъ быть и физіологическимъ. Оно можетъ совершаться въ различныхъ степеняхъ напряженности, зависящихъ, какъ отъ относительной численности особей каждой изъ смѣшивающихся группъ, такъ и отъ физіологической устойчивости расъ въ отношеніи передаванія своихъ свойствъ и признаковъ. Безъ предварительнаго уясненія себѣ этихъ данныхъ мы врядъ ли можемъ съ ясностію судить объ отрывочныхъ фактахъ, получаемыхъ изъ нашихъ наблюденій. Всѣ говорятъ, что великоруссы смѣшанное народонаселеніе, и изучая ихъ съ антропологической точки зрѣнія слѣдуетъ спросить себя прежде всего, какъ происходило это смѣшеніе, основываясь по крайней мѣрѣ на письменныхъ памятникахъ и на происходящемъ нынѣ передъ нашими глазами.

Всѣ данныя говорятъ намъ за то, что съ Юго-Запада и Сѣверо-Востока Россіи шелъ притокъ тѣхъ колонизаторовъ Средней Россіи, которыхъ исторія называетъ Славянами. Путь ихъ шелъ преимущественно по воднымъ большимъ дорогамъ и по большимъ торговымъ и междуплеменнымъ трактамъ. На первобытныя племена, занимавшія центральную Россію, постоянно былъ наплывъ въ теченіи вѣковъ пришельцевъ, представителей высшей культуры и племени. Въ какой же относительной численности встрѣчались другъ съ другомъ эти два различныя антропологическіе элемента, какъ могли дѣйствовать они другъ на друга кровнымъ путемъ? Если въ густонаселенную, мѣстность, представляющую болѣе или менѣе компактную массу, однородную по своему кровному составу, попадаетъ незначительное число переселенцевъ иной расы и если они выше по культурѣ, то оставляютъ несомнѣнные слѣды своего прихода въ языкѣ, въ правахъ и обычаяхъ, но съ кровной точки зрѣнія они совершенно исчезаютъ въ первобытномъ населеніи. Замѣчательно, что призваніе варяговъ имѣло большое бытовое и государственное значеніе, оставило свой слѣдъ въ исторіи народа, но не оставило никакого антропологическаго замѣтнаго слѣда. Иное дѣло бываетъ, если въ рѣдко разбросанное, малочисленное населеніе попадаетъ сравнительно значительное число новыхъ колонизаторовъ. Если отъ прикосновенія съ ними не исчезнетъ племя, не уйдетъ въ другія мѣста, не будетъ перебито или не вымретъ отъ отнятія у него единственно возможныхъ условій для его существованія, то оно подчиняется новымъ колонизаторамъ земли, и притомъ не въ смыслѣ политическомъ или бытовомъ исключительно, а въ смыслѣ антропологическомъ, если только оба племени при соединеніи могутъ давать плодущія поколѣнія. Извѣстно, что кровныя связи европейцевъ съ нѣкоторыми дикарями оказываются безплодными въ результатѣ: особи смѣшанной крови не выживаютъ и удаляются самымъ естественнымъ путемъ—неживучестію, раннею смертностію, или просто вслѣдствіе отсутствія плода. Извѣстно также, что смѣшенія тѣхъ инородцевъ, коихъ можно считать за остатокъ или за представителей племенъ, первоначально населявшихъ Среднюю Россію, съ русскими плодовиты и вовсе не вызываютъ уменьшенія приплода. Если мы возьмемъ Среднюю Россію еще за очень немного лѣтъ тому назадъ и обратимъ вниманіе на то, какое раздолье для разселенія существовало еще тогда, посмотримъ на обиліе лѣсовъ, возьмемъ факты изъ распространенія звѣриныхъ промысловъ и обилія дикихъ звѣрей, находившихъ себѣ приволье и бывшихъ во многихъ мѣстностяхъ болѣе многочисленными, чѣмъ люди; если наконецъ мы соберемъ свѣдѣнія объ имѣвшейся въ прежнія времена густотѣ населенія, насколько они для насъ доступны, то соединяя всѣ эти данныя, мы можемъ смѣло сказать, что новые пришельцы встрѣтили сравнительно очень рѣдкое народонаселеніе, по отношенію къ численности котораго и ихъ небольшое число было уже замѣтнымъ, тѣмъ болѣе, что это число увеличивалось постоянно, какъ прибытіемъ новыхъ пришельцевъ, такъ и въ ихъ кровныхъ сувенирахъ оставленныхъ въ семьяхъ первобытныхъ жителей. При раскопкѣ кургановъ въ Богородскомъ уѣздѣ мнѣ помогалъ своими совѣтами и вліяніемъ одинъ очень умный, много видѣвшій и хорошо знавшій свою мѣстность, священникъ. Передавая мнѣ свѣдѣнія объ имѣющихся въ уѣздѣ курганахъ и присутствуя при раскопкѣ одного изъ наиболѣе многочисленныхъ курганныхъ кладбищъ, онъ замѣтилъ: «а нужно признать, что мало было на свѣтѣ вашего курганнаго народа. Если взять всѣ извѣстные мнѣ въ уѣздѣ курганы, если даже предположить, что они уменьшились въ значительной степени съ теченіемъ времени, то все таки удивительна ихъ малочисленность. Прежде здѣсь были лѣсныя мѣстности и курганы можетъ быть обворовались, но неуничтожались; распахивать, да раскапывать ихъ и сносить насыпи стали уже на моей памяти. Мы здѣсь на самомъ обширномъ курганномъ кладбищѣ, такъ какъ здѣсь и теперь за полсотни кургановъ, да по мѣстности видно, что оно могло быть раза въ четыре или въ пять больше. Не въ десятокъ лѣтъ ихъ здѣсь насыпали, а въ столѣтія, тѣмъ

не менѣе ихъ куда много меньше того, что я перехоронилъ на своемъ вѣку въ одномъ этомъ фабричномъ селѣ».

Такимъ образомъ весьма вѣроятно, что условія численности пришлаго видоизмѣняющаго племени по отношенію къ мѣстному, подвергавшемуся измѣненію отъ прилитія новой крови, были благопріятны тому, чтобы это пришлое племя могло оставить крѣпкіе антропологическіе слѣды. Кромѣ того условія этого вліянія одного племени на другое были не одинаковы, и съ антропологической точки зрѣнія болѣе благопріятны колонизаторамъ. Можетъ быть многіе и женились на туземкахъ и дѣлались осѣдлыми, но большинство первобытныхъ колонизаторовъ было не таково. Это былъ народъ торговый, воинственный, промышленный, заботившійся зашибить копѣйку и затѣмъ устроить себя по своему, сообразно созданному себѣ собственному идеалу благополучія. А этотъ идеалъ у русскаго человѣка вовсе не таковъ, чтобы легко скрутить свою жизнь съ какою-либо «поганью», какъ и теперь еще сплошь и рядомъ честитъ русской человѣкъ иновѣрца. Онъ будетъ съ ними вести дѣла, будетъ съ ними ла-

Изъ Антропологическаго альбома Общества Любителей Естествознанія.

Фиг. 7. Мордвинъ Нижегородской губерніи, въ фасъ; профиль его изображенъ на фиг. 4.

сковъ и дружелюбенъ, войдетъ съ ними въ пріязнь во всемъ кромѣ того, чтобы породниться, чтобы ввести въ свою семью инородческій элементъ. На это простые русскіе люди и теперь еще крѣпки, и когда дѣло коснется до семьи, до укорененія своего дома, тутъ у него является своего рода аристократизмъ, выражающійся въ отвращеніи къ инородкамъ. Часто поселяне различныхъ племенъ живутъ по сосѣдству, но браки между ними рѣдки, хотя романы и часты, но романы односторонніе: русскихъ ловеласовъ съ инородческими камеліями, а не наоборотъ. Чтобы получить въ этомъ фактическую увѣренность стоитъ

просмотрѣть разсказы этнографовъ о вольности нравовъ многихъ инородцевъ въ женскихъ своихъ представителяхъ въ настоящее время. Графъ А. С. Уваровъ случайно сообщилъ мнѣ сдѣланное имъ наблюденіе въ его имѣніи, въ которомъ русскіе находятся по близости съ Мордвою, а именно, что русскіе никогда не женятся на мордовкахъ, не вѣря ихъ твердости нравовъ, искушать кои легко, какъ они знаютъ по собственному опыту. Если мы допустимъ такія отношенія, то увидимъ, что хотя Мордва женится только между собою, но великорусское вліяніе, кровное и антропологическое, мало по малу завоевываетъ въ ней свое мѣсто. Этнографъ, видя съ одной стороны постоянную женитьбу Мордвы въ кругу своего племени и замѣчая, не смотря на то, все большее и большее постепенное обрусѣніе, отнесетъ его къ вліянію обычаевъ, языка, распространенію русскихъ нравовъ. Антропологъ нѣсколько скептически отнесется къ этому исключительному вліянію языка и нравовъ, а припишетъ кое-что и природѣ и постоянному, хотя и медленному, вліянію русской крови на народонаселеніе. При обсужденіи подобнаго вліянія смѣшенія расъ на антропологическіе признаки нужно принять еще въ соображеніе слѣдующій, почти постоянно наблюдаемый фактъ. Женщина, сравнительно болѣе доступная вліянію представителей болѣе высокаго развитія, болѣе высокой расы, рѣдко снизойдетъ до представителя расы, считаемой ею за ниже стоящую. Помѣси европеекъ съ неграми крайне рѣдки и принадлежатъ къ случайнымъ, можно сказать эксцентричнымъ явленіямъ, но негритянки и мулатки падки до европейцевъ. Не обязательныя, а совершенно свободныя сношенія между негритянками и европейцами не рѣдкость, какъ не рѣдкость связи между послѣдними и представительницами слабаго пола у дикихъ племенъ. Мущины, неохотно налагающіе на себя брачные узы съ представительницами низшихъ расъ, весьма благосклонны къ ихъ жертвамъ, когда они приносятся безъ всякихъ обязательствъ съ ихъ стороны. Въ соприкосновеніе съ инородцами, какъ это мы видимъ и теперь вездѣ, куда проникаютъ европейцы, приходятъ не семьи

Изъ Антропологическаго альбома Общества Любителей Естествознанія.

Фиг. 8. Мордвинъ съ чертами лица, часто попадающимися и въ обрусѣлыхъ мѣстностяхъ средней Россіи.

Фиг. 9. Мордвинъ молодой, той же губерніи, съ типомъ русскаго лица и вліяніемъ русской крови.

европейцевъ съ семьями туземцевъ, а безсемейная европейская толпа мущинъ въ видѣ войска, матросовъ, искателей приключеній, торговцевъ, весьма много вредящая антропологу въ сохраненіи чистоты типа первобытныхъ племенъ. Французы, Англичане, Испанцы при своихъ вѣковыхъ сношеніяхъ съ различными туземцами въ своихъ колоніяхъ внесли весьма мало, если только внесли, придачи посторонней крови въ свои семьи, но вездѣ оставили рѣзкія черты своего как и у другихъ западныхъ производителей смѣшанныхъ народонаселеній. Если мы примемъ этотъ намѣченный нами факторъ обрусѣнія и условія, при коихъ оно совершалось, то для насъ станутъ понятны нѣкоторыя явленія, иначе трудно объяснимыя. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ бы оазисы, разсѣяны и до сихъ поръ инородцы, упорно сохраняющіе и свой типъ, и свои нравы, въ противорѣчіе съ могуществомъ вліянія обычаевъ, языка и нравовъ. Инородцы эти

Изъ Антропологическаго альбома Общества Любителей Естествознанія, составленнаго фотографомъ г. Барро въ Нижнемъ-Новгородѣ. Всѣ портреты Мордвы принесены имъ въ даръ Обществу.

Фиг. 10 и 11. Мордва, старый и молодой, вслѣдствіе вліянія русской крови приближающіеся къ великорусскому типу въ большей или меньшей степени.

пребыванія и своего культурнаго вліянія въ измѣненіи туземныхъ расъ помощію образованія значительнаго числа помѣсей съ ними. Развѣ для первыхъ русскихъ колонизаторовъ, насадителей антропологическаго русскаго типа, при ихъ столкновеніи съ первобытно-населявшими Среднюю Россію племенами, могло быть иначе, когда еще и теперь мы видимъ сплошь и рядомъ факты, говорящіе намъ за то, что дѣло шло тѣмъ же путемъ, переняли кое что изъ нравовъ и обычаевъ, говорятъ дурно ли хорошо ли, по русски, но живутъ сотни лѣтъ особнякомъ и сохраняютъ свой типъ. Чѣмъ это объяснить? Различіемъ религіи, но это можетъ быть допущено только для мусульманскихъ племенъ, такъ какъ здѣсь русскіе и мусульмане одинаково косо смотрятъ, говоря вообще, а не объ исключеніяхъ, на взаимныя кровныя связи и считаютъ ихъ за опоганеніе себя.

Но остаются еще другіе инородцы, изъ коихъ одни полуязычники обрусѣли, другіе же и выше ихъ стоящіе сохраняютъ себя въ сравнительной чистотѣ крови. Кромѣ языка, нравовъ и прочаго, не дѣйствуетъ ли тутъ то въ особенности, что у русѣющихъ племенъ дамы имѣютъ болѣе снисходительное сердце къ прелестямъ великоруссовъ, а у нерусѣющихъ оно не приступно для партизанской войны въ пользу обрусѣнія, производимой послѣдними.

Такимъ образомъ мнѣ кажется вѣроятнымъ, что обрусѣніе инородцевъ было не исключительно бытовымъ и государственнымъ, а также кровнымъ, антропологическимъ. Для тѣхъ племенъ, для коихъ представлялось больше легкости къ такому способу обрусѣнія, этотъ процессъ кончился давно и они вошли мало по малу въ составъ русскихъ, а для коихъ это было по чему либо не легко, для тѣхъ осталась возможность сохраниться и до нашихъ дней въ большей или меньшей антропологической чистотѣ. Новгородскіе и Кіевскіе колонизаторы, постоянно, въ массѣ, берегли чистокровность своей семьи, вліяя на инородческія. Какъ долго въ антропологическомъ отношеніи можетъ передаваться кровь пришельцевъ болѣе устойчиваго племени, показываютъ малороссы. Ихъ расположеніе къ полякамъ и ихъ племенное и историческое соперничество извѣстны, а тѣмъ не менѣе въ чертахъ лица малороссовъ поляки оставили по себѣ значительное число явственныхъ памятниковъ своего прохожденія и пребыванія. Это объяснить себѣ можно тѣмъ, что малороссіянки шли скорѣе на случайныя капитуляціи передъ поляками, отличающимися дѣйствительно тѣми свойствами, которыя дѣлаютъ ихъ привлекательными въ обществѣ, въ женскомъ кругу. Такіе же сувениры оставить должны были и Новгородцы и другіе славянскіе пришельцы въ Средней Россіи въ инородческихъ племенахъ. За трагедіями и драмами исторіи, за великими факторами жизни народовъ, скрывается много романовъ, имѣвшихъ значительное вліяніе на ходъ всѣхъ событій, а особенно антропологическихъ и физіогномическихъ.

Подтвержденіе этому взгляду на ходъ обрусѣнія можно найдти и въ народныхъ пѣсняхъ. Отчего красная дѣвица всегда съ русою косою, а добрый молодецъ съ черными кудрями? Мнѣ случилось просмотрѣть сборникъ пѣсенъ Сахарова съ этою чисто антропологическою цѣлію. Я давно уже обращался къ нѣкоторымъ собирателямъ русскихъ пѣсенъ и знатоковъ ихъ съ цѣлію получить отъ нихъ разрѣшеніе вопросовъ: какъ въ пѣсняхъ и народныхъ сказаніяхъ характеризуется физическая красота, физическіе признаки народонаселенія той мѣстности, или того племени, которое сложило пѣсни? Не воспѣваетъ ли народъ въ своихъ пѣсняхъ извѣстный опредѣленный типъ, который можно явственно дознать, если сравнить пѣсни различныхъ племенъ? Если существуютъ народныя сказанія, выразившіяся въ пѣсняхъ и былинахъ, о пришельцахъ и чужеземцахъ, то такъ ли они характеризуются, какъ свои богатыри, какъ представители своего племени? Къ сожалѣнію, на эти убѣдительныя просьбы я не получилъ положительныхъ отвѣтовъ, т. е. никто, повидимому, изъ тѣхъ, къ кому я обращался, не считалъ возбужденныхъ мною вопросовъ, стоющими того, чтобы потратить на нихъ время, подыскивая матеріалъ, необходимый для ихъ рѣшенія. Пришлось, хотя и съ полнымъ сознаніемъ своего малаго знакомства съ литературою, приняться за это самому. Я сдѣлалъ выписки изъ всѣхъ пѣсенъ, помѣщенныхъ у Сахарова, въ коихъ указываются признаки антропологическіе; затѣмъ просмотрѣлъ изданныя Этнографическимъ Отдѣломъ Общества Любителей Естествознанія Латышскія пѣсни и старался на основаніи этого матеріала убѣдиться, хотя нѣсколько, въ возможности получить какія либо антропологическія данныя о русскомъ населеніи этимъ путемъ. Не много было у меня подъ рукою матеріала, а уже кое-что намѣтилось. Такъ когда въ былинахъ говорится о Чуди, то она называется бѣлоглазою: «Вырублю чудь бѣлоглазую, перекрошу сорочину долгополую». Латышъ въ своихъ пѣсняхъ воспѣваетъ златовласыхъ дѣвъ. Малороссъ тоскуетъ о черныхъ очахъ: «засыпано сырой земли на груди мои, склеилися черные очи на всѣ почи». У русскаго типъ красоты выражался въ томъ, чтобы была «молодая, разумная, безъ бѣлилъ лице бѣлое, безъ румянъ щеки алыя». «Ростомъ она повыше меня, краше ее въ теремѣ нѣтъ, умнѣе и въ городѣ нѣтъ». У дѣвушекъ въ пѣсняхъ встрѣчается только русая коса, которую по пѣснямъ дѣвушки такъ охотно расчесываютъ «и чрезъ поле идучи, русу косу плетучи» и дома: «подъ окномъ дѣвица сидѣла, буйну голову чесала, свою русу косу заплетала». По народному идеалу красна дѣвица должна быть «тонка, высока; тонешенька, бѣлешенька», и слѣдовательно толстота вовсе не въ народномъ идеалѣ красоты. Про старухъ говорится: «ты старушка стара, не подъ силу молода, ты станомъ коротка, ты плечами широка». Впрочемъ народъ не отнималъ своего рода прелести и у дѣвушекъ небольшаго роста; дѣвица могла быть и «не величка, круглоличка, румяное личко». Можно сомнѣваться только въ постоянной естественности одного признака, воспѣваемаго пѣснями, это черныхъ бровей: «очи ясны, брови черны, личикомъ бѣленька», «лицемъ она и бѣла и румяна, бровью она почернѣе меня». Въ просмотрѣнныхъ нами пѣсняхъ у женщинъ всегда воспѣвается русая коса, а у мужчинъ только иногда русые кудри. «Черны кудри за столъ пошли, русу косу за собой повели». «Ужъ какъ мой милый идетъ, что ясенъ соколъ летитъ, бѣлыми руками помахиваетъ, черными кудрями потряхиваетъ». «Ужъ какъ ты ли, русая коса, изсушила меня молодца. Потускнѣли черны очи, позавялъ румянецъ на лицѣ». Но если для черныхъ кудрей всегда попадались русыя косы въ желаемомъ количествѣ и они исключительно водили только русыхъ косъ за столъ, то наоборотъ этимъ косамъ приходилось воспѣвать и русые кудри мужчинъ, хотя въ утѣшеніе себя они выбирали ихъ съ черными бровями, напоминающими хотя нѣсколько завѣтный типъ съ черными кудрями: «приглядывали красны дѣвицы за румянымъ молодцемъ. Русы кудри по плечамъ лежатъ, брови черныя, что у соболя». «Прилегали кудри русые къ лицу бѣлому, румяному». «Хорошо его матушка родная убирала, гребешкомъ кудри русые чесала». Замѣчательно, что чернокудрявый молодецъ въ пѣсняхъ только *чешетъ* да *встряхиваетъ* своими кудрями, а русые кудри *завиваются*: «передъ зеркаломъ хрустальнымъ, чесалъ кудри черныя, чесалъ, самъ приговаривалъ: завивайтесь кудри, завивайтесь черные». Только разъ изъ многихъ упоминаній пѣсня говоритъ: «не сами кудри завивалися, завивала ему красна дѣвица, по единому черному волосу». Но тоже самое встрѣчаемъ и относительно русыхъ: «завивала красна дѣвица по единому русому волосу», такъ что можно въ первомъ случаѣ принять слово «черные» за произвольную случайную вставку. Но русые кудри

требуютъ завитія, иначе поистреплются: «а къ тебѣ-то посолъ пришелъ, буйная голова, нечесаная, русы кудри не завиты»; «ужъ я встану скорешенько, причешу буйную голову, я завью кудри русые». Такимъ образомъ для антрополога пѣсни даютъ указаніе на то, что женщины русыя, а молодцы ихъ чернокудрые или русоволосые, при чемъ чернымъ кудрямъ какъ-то просвѣчиваетъ больше сочувствія. Не объясняется ли это тѣмъ, что туземнымъ красавцамъ часто попадались и поприглядѣлись таки свои туземные кудри и для нихъ черные кудри пришельцевъ представляли

Изъ Антропологическаго альбома Нижегородской губерніи.

Фиг. 12. Молодой Мордвинъ съ обрусѣлыми чертами лица.

больше новизны и привлекательности. У сѣверныхъ женщинъ южный типъ красоты мужчинъ имѣетъ большую привлекательную силу: стоитъ только для убѣжденія въ этомъ вспомнить оваціи, дѣлаемыя пріѣзжимъ итальянцамъ, благосклонность какою пользовались гувернеры французы, даже побѣды восточныхъ человѣковъ и оваціи туркамъ, чтобы по крайней мѣрѣ счесть за возможное существованіе предпочтенія у первобытныхъ обитательницъ русской земли къ новгородскимъ колонистамъ или пришлымъ людямъ, переданнаго ими по наслѣдству и многимъ современнымъ женщинамъ. Нужно обратить вниманіе также на то, что обрядовыя пѣсни поются обыкновенно женщинами, складываются ими, сохраняются въ ихъ памяти отъ забвенія и потому почти исключительно могутъ служить выраженіемъ женскаго народнаго взгляда на физическую красоту мущинъ.

Но принадлежатъ ли воспѣваемые черные кудри исключительно славянскимъ пришельцамъ, и русые туземнымъ красавцамъ? Положительно объ этомъ сказать трудно, такъ какъ существуютъ свидѣтельства, что и между первобытными славянскими племенами были и люди съ болѣе свѣтлыми волосами. Въ этомъ отношеніи изслѣдованія могилъ, несомнѣнно принадлежащихъ древнимъ славянскимъ племенамъ Россіи, и нахожденіе въ нихъ останковъ, по коимъ можно бы было судить о физическомъ типѣ ихъ, помогутъ лучше всего узнать о цвѣтѣ волосъ, основываясь на положительныхъ данныхъ. Ихъ черепа, ихъ волосы дадутъ возможность, хотя съ нѣкоторою достовѣр-

Изъ сочиненія „Voyages de Corneille Le Brun par la Moscovie“ 1718 года. Сообщено Е. В. Барсовымъ.

13. „Dame Russienne“. Ле-Брюна.

ностію, судить о физіогномическихъ особенностяхъ тѣхъ исчезнувшихъ племенъ, кои вліяли на инородческое населеніе, и о томъ вліяніи на измѣненіе физическихъ признаковъ, которое они могли оказать.

Кромѣ пѣсенъ существуютъ еще и другіе источники для составленія себя понятія о русскомъ типѣ; это древнія историческія изображенія и сказанія иностранцевъ. Не имѣя опять таки возможности лично заняться этимъ по недостатку спеціальныхъ свѣдѣній, требуемыхъ для этого, я обратился къ знакомымъ спеціалистамъ этого дѣла, кои дали мнѣ нѣкоторыя указанія. Особенно благодаренъ я въ этомъ отношеніи Е. В. Барсову, который доставилъ мнѣ нѣсколько древнихъ изображеній русскихъ. При отыскиваніи подобныхъ матеріаловъ физіогномики русскихъ, я руководился слѣдующею мыслію. Обыкновенно люди, находящіеся въ соприкосновеніи съ ка-

кимъ либо явленіемъ ежедневно и ежечасно, теряютъ способность подмѣчать его характеристическія черты. Кто не знаетъ, что иногда пріѣзжій, кому показываютъ какую либо мѣстность или предметъ, обратитъ вниманіе и замѣтитъ такое его свойство, которое до того ускользало отъ вниманія, хотя предметъ или мѣстность по видимому знакомы какъ пять пальцевъ. Зоологу часто случается, особенно при осмотрѣ зоологическихъ садовъ, отъ простаго охотника или неученаго посѣтителя выслушать такое замѣчаніе о свойствѣ животнаго или о впечатлѣніи, производимомъ имъ, которое у него ускользало, такъ какъ онъ невольно привыкаетъ смотрѣть на предметъ только съ извѣстныхъ рубрикъ своей системы. Тоже бываетъ съ антропологомъ и съ мѣстнымъ жителемъ по отношенію къ окружающему его народонаселенію. Эккеръ справедливо замѣтилъ въ одной своей статьѣ, что мы менѣе всего обращаемъ вниманіе на анализъ того, что насъ ежедневно окружаетъ. За границею иностранцы легче отличаютъ русскаго въ толпѣ, чѣмъ сами русскіе. Мнѣ казалось, что и иностранные путешественники могли подмѣтить такія физіогномическія особенности, кои могли отъ насъ ускользать. Отсюда значительный интересъ, возбуждаемый описаніемъ иностранцами русскихъ съ физіогномической стороны, конечно только въ томъ случаѣ, когда они не являются въ Россію подмѣчать только одно отрицательное, каррикатурное, въ чемъ впрочемъ нельзя грѣха таить, съ особеннымъ какимъ-то наслажденіемъ помогаютъ и многіе русскіе, служащіе имъ чичероне. Конечно, здѣсь нужно принимать во вниманіе не мнѣнія такихъ обрусѣлыхъ иностранцевъ, какіе иногда появляются только у насъ въ Россіи. Не могу не привести въ примѣръ одного замѣчательнаго факта характеристики физіогномій русскихъ, сдѣланной сравнительно не давно въ Москвѣ однимъ изъ такихъ иностранцевъ. Показывали сонму чиновныхъ иностранныхъ по происхожденію, русскихъ по чинамъ и служебному величію, посѣтителей одну изъ Московскихъ больницъ еще въ то время, когда русскій персоналъ допускался въ больницы только въ качествѣ второстепенныхъ дѣятелей. Одинъ изъ такихъ цивилизованныхъ и ученыхъ посѣтителей удостоилъ обратить вниманіе и на антропологическую физіогномику больныхъ. «Какъ легко отличить русскихъ больныхъ, сказалъ онъ, обращаясь къ предстоящимъ. Посмотрите, если глупое лицо, то непремѣнно русскій». Къ чести иностранцевъ нужно сказать, что не всѣ они такъ скоро и легко рѣшаютъ вопросы антропологической физіогномики русскихъ и многіе изъ нихъ старались собрать данныя для серьозной характеристики ея, на сколько она была доступна имъ. Мнѣ казалось, что въ подобныхъ описаніяхъ можно найдти указанія на многія частности физіогномики русскихъ, не говоря уже о томъ, что всегда интересно сдѣлать повѣрку собственныхъ воззрѣній наблюденіемъ свѣжихъ, постороннихъ людей, если только они не предубѣждены какою либо предвзятою идеею. Въ числѣ матеріаловъ, доставленныхъ мнѣ Е. В. Барсовымъ, была серія портретовъ русскаго посольства, посланнаго къ «Римскому Императору» въ 1626 году, отпечатанная въ Прагѣ у Михаила Петерле. На одной сторонѣ картины изображено русское богослуженіе и здѣсь представлены весьма приличныя русскія лица, въ которыхъ нѣтъ ничего, ни туранскаго, ни финскаго. Лица эти не особенно типичны, но за то и не представляютъ никакой предвзятой идеи. На другой сторонѣ нарисовано самое посольство, въ которомъ татарщина преобладаетъ. Можно, впрочемъ, между фигурами отличить и такія, коимъ художникъ старался придать русскій и польскій типъ лица. Но всѣ подобныя изображенія въ древнихъ рисункахъ и древнихъ сказаніяхъ могутъ только тогда служить надежнымъ матеріаломъ для антропологическихъ выводовъ, когда они будутъ собраны систематично и полно, когда они будутъ представлены сравнительно и критически. Этого можно ожидать, какъ результата готовящейся антропологической выставки въ Москвѣ, благодаря подготовляемому труду Е. В. Барсова и В. Е. Румянцева.

Изъ того же сочиненія, какъ и фиг. 13.

14. „Demoiselle Russienne" Ле-Брюна.

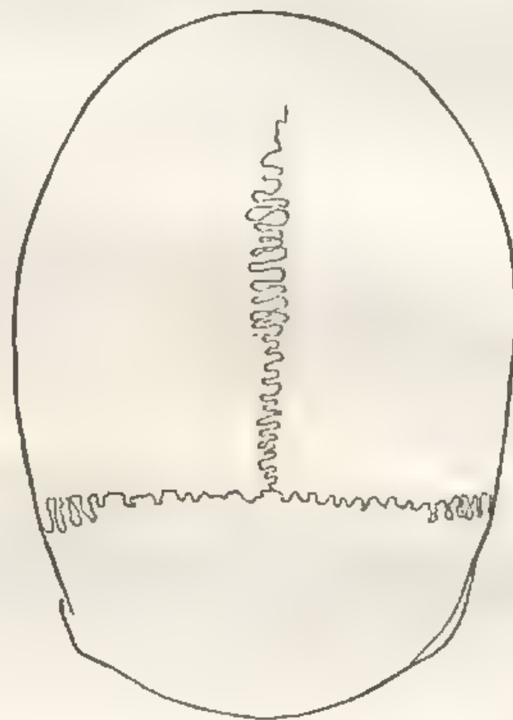
Научныя выставки, внѣ своей популяризаціонной и показной стороны, имѣютъ и серьозные результаты. Въ обыкновенное время спеціалисты различныхъ отраслей преслѣдуютъ каждый свои особенныя задачи и совмѣстный трудъ для уясненія вопросовъ соприкасающихся наукъ является только какъ исключеніе. Обыкновенно такіе вопросы требуютъ для своего рѣшенія, не только соединенія силъ, но и значительныхъ средствъ для своего осуществленія. Такъ по отношенію вопроса объ исторической физіогномической русской галлереѣ требуется не только трудъ, но и возможность получить копіи съ нужныхъ рукописей, необходимыхъ изображеній, и при мало мальски значительной задачѣ средства требуются значительныя. Не только работающія частныя лица, но и ученыя Общества, имѣющія свои неизбѣжные расходы и весьма гомеопатическія средства по сравненію съ сложностью задачъ, не могутъ при обыкновенномъ ходѣ дѣлъ удовлетворить даже всѣмъ своимъ насущнымъ нуждамъ, какъ напримѣръ по печатанію своихъ трудовъ, осо-

бенно Общества естественно-историческія и археологическія, поставленныя въ необходимость прилагать таблицы и рисунки къ своимъ трудамъ. Экстренныя субсидіи, да выставки только и выручаютъ ихъ изъ нужды. Послѣднія еще содѣйствуютъ тому, что соединяютъ спеціалистовъ въ одной общей работѣ, производимой по одному общему плану, обыкновенно хотя и посвященному какой либо одной наукѣ по преимуществу, но захватывающему и интересы другихъ спеціальностей. Антропологическіе вопросы

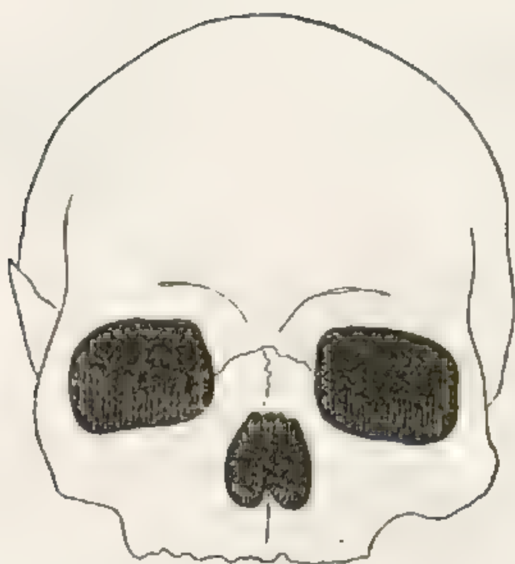
Изъ Краніологическаго альбома курганныхъ череповъ. Фотографіи, въ одну треть естественной величины, сняты художникомъ М. М. Пановымъ.

15. Профиль черепа.

16. Черепъ съ верху.

17. Съ лицевой части.

18. Затылочной части.

Фиг. 15—18. Изъ кургановъ Рузскаго уѣзда Московской губерніи (Палашкинскіе). Раскопка И. И. Ильина.

стоятъ въ такой тѣсной связи съ этнографическими и археологическими, что и антропологическая выставка не можетъ не коснуться ихъ, не возбудить сочувствія этнографовъ и археологовъ. Она была такъ счастлива, что нашла себѣ компетентныхъ и дѣятельныхъ сотрудниковъ по этимъ спеціальностямъ, двое изъ коихъ Е. В. Барсовъ и В. Е. Румянцевъ предположили болѣе спеціально обработать для выставки историческій рядъ изображеній русскихъ людей по памятникамъ, рукописямъ и древнимъ путешествіямъ.

Выполненіе этого предположенія будетъ имѣть и существенное вліяніе на рѣшеніе вопросовъ по антропологической физіогномикѣ Русскихъ. Можетъ быть, выставка будетъ такъ счастлива, что кто либо изъ этнографовъ предприметъ и трудъ возстановленія физіогномическаго типа по русскимъ пѣснямъ и сравненія его съ типами, очерчиваемыми пѣснями Славянъ и инородцевъ, живущихъ въ Россіи.

Чтобы идти далѣе въ затронутомъ нами вопросѣ о физіогномикѣ Русскихъ съ чисто спеціальной антро-

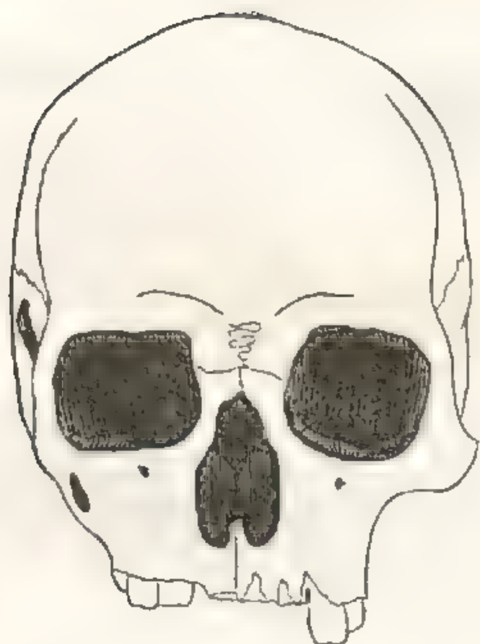
Изъ Краніологическаго альбома курганныхъ череповъ.

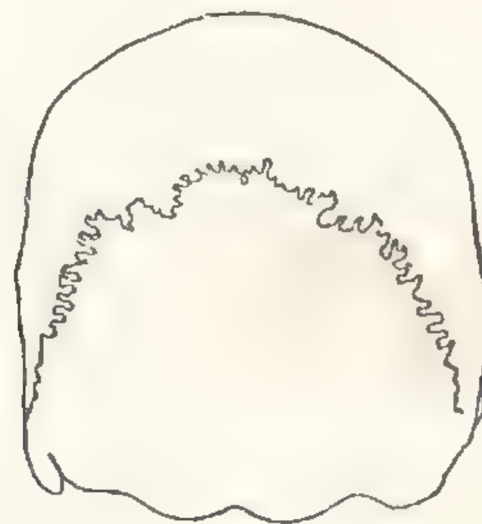
Фиг. 19. Въ профиль.

Фиг. 21. Съ верхней стороны черепа.

Фиг. 20. Въ фасъ.

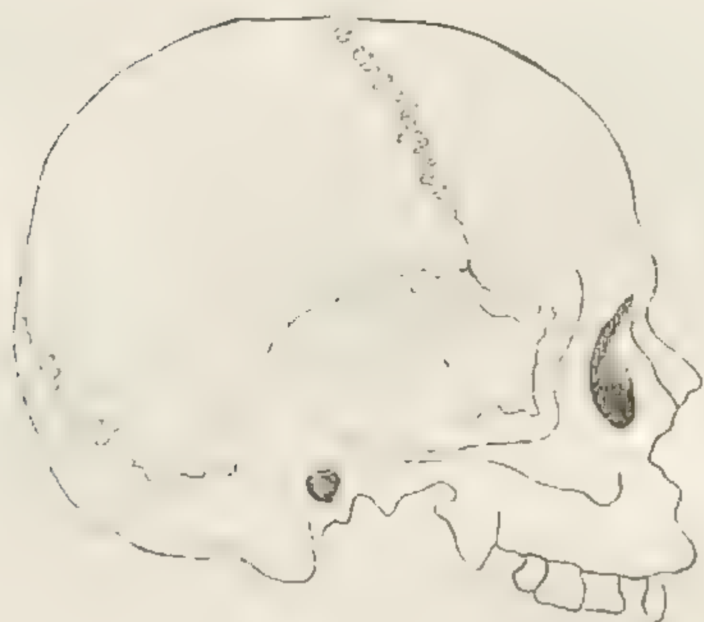
Фиг. 22. Съ затылочной стороны.

Фиг. 19—22. Изъ кургановъ Подольскаго уѣзда Московской губерніи при селѣ Добрятинѣ. Раскопки А. П. Богданова.

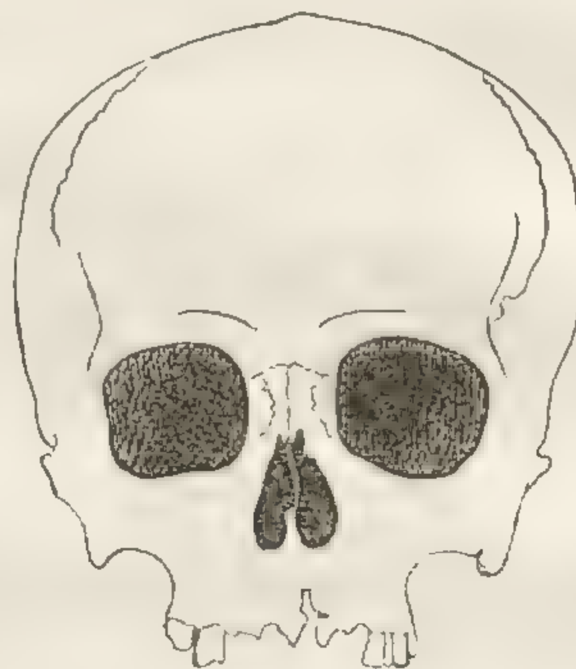
пологической точки зрѣнія, слѣдуетъ уже перейдти къ языку чиселъ, къ сравненію измѣреній лицевыхъ частей, къ результатамъ сравнительной краніологіи. Такія данныя уже частію собраны, но врядъ ли было бы удобно останавливаться въ этомъ очеркѣ на разсмотрѣніи ихъ. При частномъ изслѣдованіи вопроса фактическія данныя, основанныя на изученіи двухъ, трехъ сотенъ череповъ, имѣютъ интересъ, какъ вносящія хотя не много новаго матеріала, относительно коего именно особенно желательно увеличеніе

численности фактовъ. Въ очеркахъ, подобныхъ настоящему, пришлось бы не специально разбирать отдѣльные факты, а обобщать выводы, придавать имъ такимъ обобщеніемъ болѣе несомнѣнное и болѣе непреложное значеніе, чѣмъ они могутъ имѣть въ дѣйствительности. Съ такими выводами картина стала бы полнѣе и первое впечатлѣнія отъ сказаннаго лучше, но врядъ ли она не явилась бы въ нѣсколько утрированномъ и искусственномъ освѣщеніи. Поэтому я считаю лучшимъ отложить частные факты измѣреній

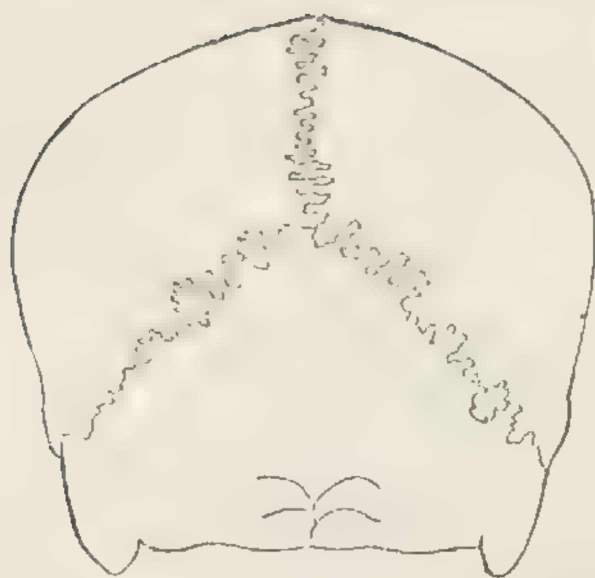
Изъ Краніологическаго альбома курганныхъ череповъ.

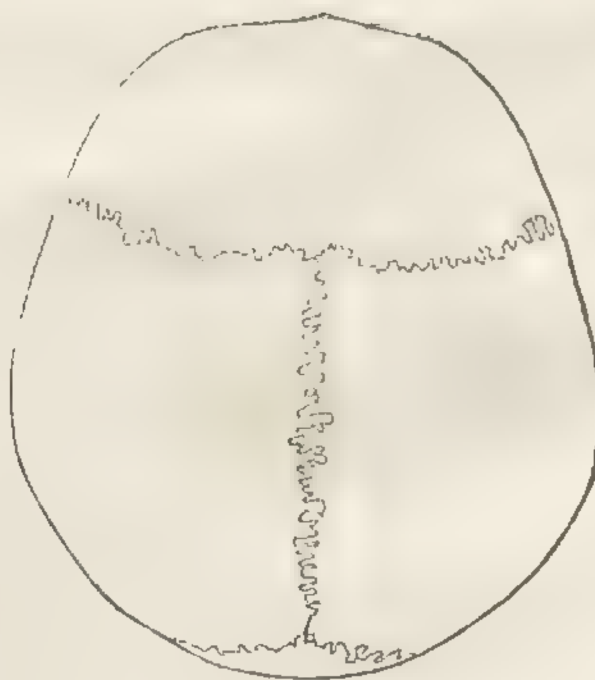
Фиг. 23. Въ профиль.

Фиг. 24. Въ фасъ.

Фиг. 25. Съ затылка.

Фиг. 26. Съ верхней стороны.

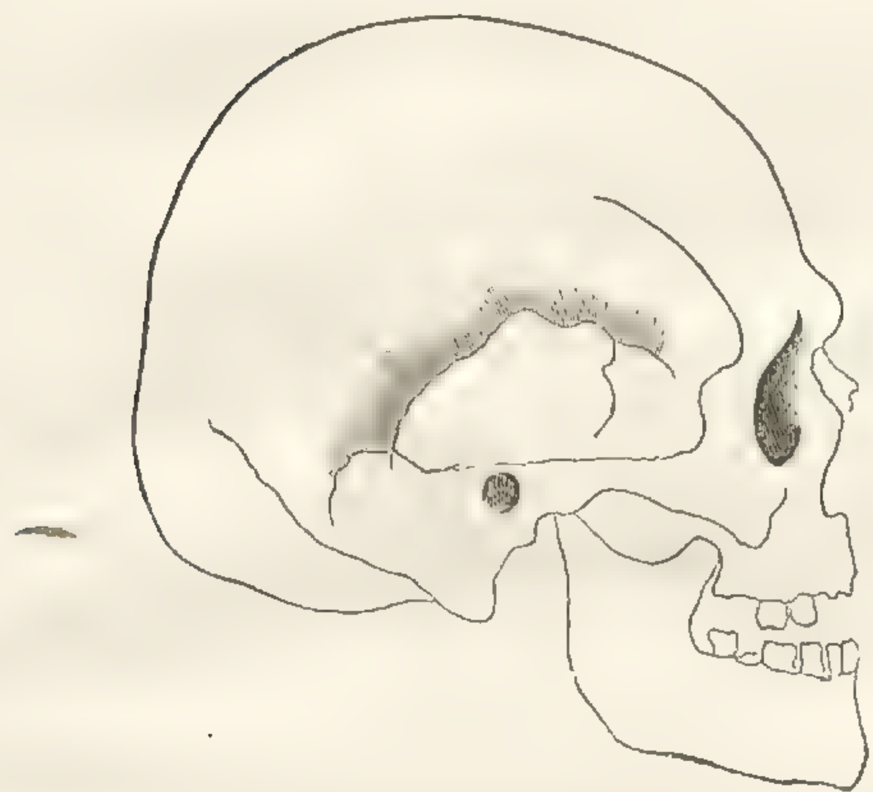
Фиг. 23—26. Изъ кургановъ Коломенскаго уѣзда Московской губерніи; раскопки А. М. Анастасьева.

для тѣхъ замѣтокъ, кои уже подготовляются и имѣютъ чисто специальный краніологическій интересъ. Это тѣмъ естественнѣе, что въ общемъ вопросѣ о пути изслѣдованія антропологической физіогномики вообще и русскихъ въ частности можно было, и даже должно, передъ началомъ изслѣдованія, уяснить себѣ исходныя точки работы и разсмотрѣть вопросъ въ общихъ его чертахъ; для частнаго краніологическаго изслѣдованія физіогномическихъ данныхъ общія основы метода рѣшенія вопроса уже выработаны въ своихъ

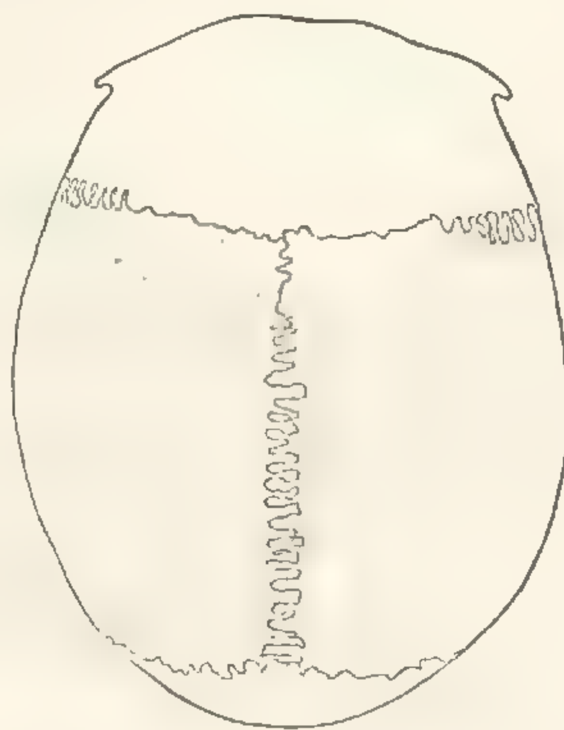
общихъ чертахъ и въ частностяхъ и дѣло состоитъ въ ихъ примѣненіи къ частнымъ случаямъ и въ частной группировкѣ полученныхъ результатовъ.

Въ заключеніе я позволю себѣ выяснить цѣль приложенныхъ къ этимъ предварительнымъ замѣткамъ рисунковъ и политипажей. Одни изъ нихъ имѣютъ цѣлію показать различіе изображеній, снятыхъ съ антропологическими и этнографическими видами. Другіе показываютъ нѣсколько варіететовъ лицъ, встрѣчаемыхъ въ русскомъ народонаселеніи Московской

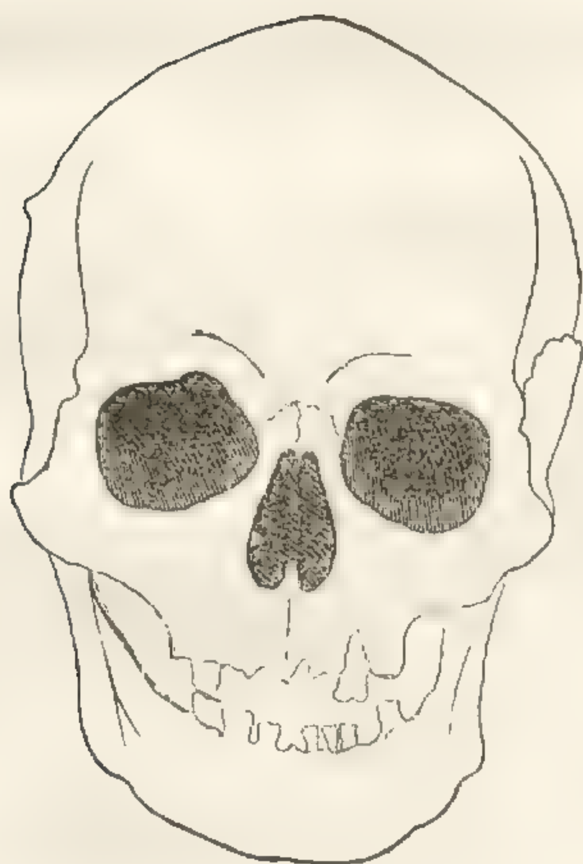
Изъ Краніологическаго альбома курганныхъ череповъ.

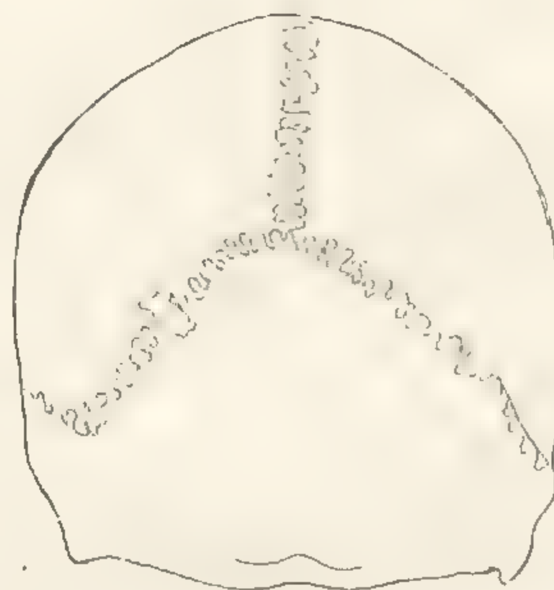
Фиг. 27. Въ профиль.

Фиг. 29. Съ верхней стороны.

Фиг. 28. Фасъ.

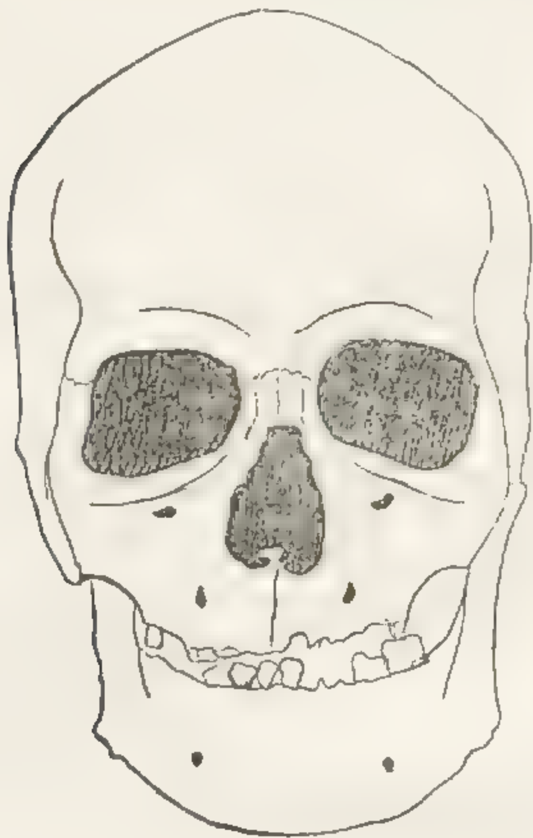
Фиг. 30. Съ затылочной стороны.

Фиг. 27—30. Изъ кургановъ Можайскаго уѣзда Московской губерніи, села Власова. Раскопки А. П. Богданова.

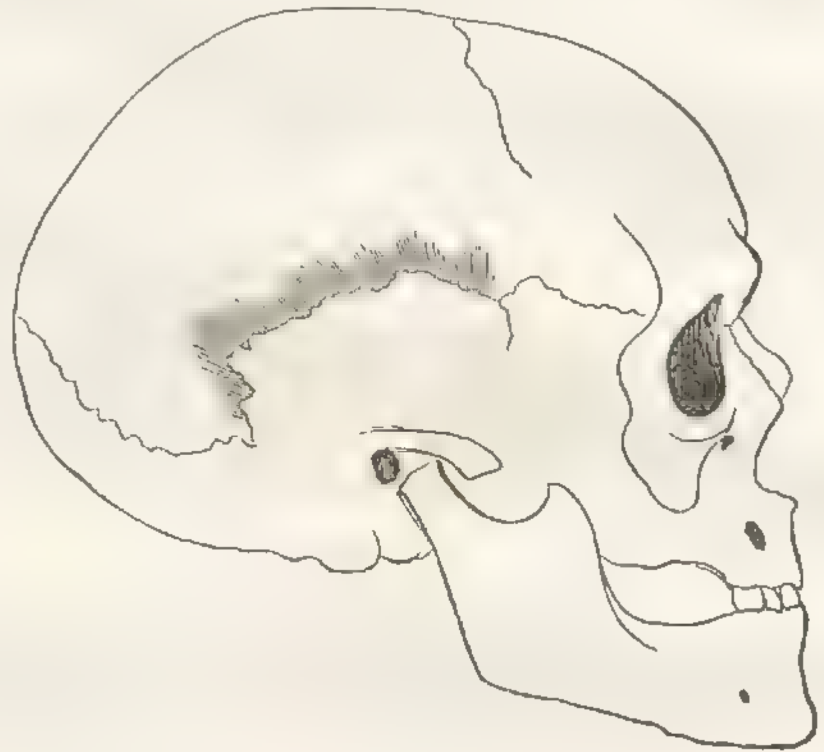
губерніи. Третьи касаются физіогномій Мордвы Нижегородской губерніи и взяты изъ альбома, составленнаго для Этнографической выставки. Я выбралъ между ними, какъ тѣ, кои даютъ лица съ вполнѣ инородческимъ типомъ, такъ и тѣ, въ коихъ въ большей или меньшей степени начинаетъ проявляться то, что называется «русскимъ лицемъ». Наконецъ я приложилъ нѣсколько изображеній череповъ изъ кургановъ различныхъ губерній съ цѣлію показать на удобосравниваемыхъ образцахъ физіогномическій типъ че-

реповъ, принадлежавшихъ наиболѣе древнимъ обитателямъ Руси. Всѣ черепа представлены въ четырехъ различныхъ положеніяхъ или нормахъ, т. е. съ фасу, въ профиль, съ заду и съ верху. Для Московской губерніи взяты черепа Подольскаго и Рузскаго уѣзда, какъ представители типа длинноголоваго (мерянскіе?) и черепъ Коломенскаго уѣзда, какъ представитель короткоголоваго (древней Мордвы?) и кромѣ того черепъ изъ кургана Можайскаго уѣзда, совершенно своеобразный по своимъ физіогномиче-

Изъ Краніологическаго альбома курганныхъ череповъ Общества Любителей Естествознанія.

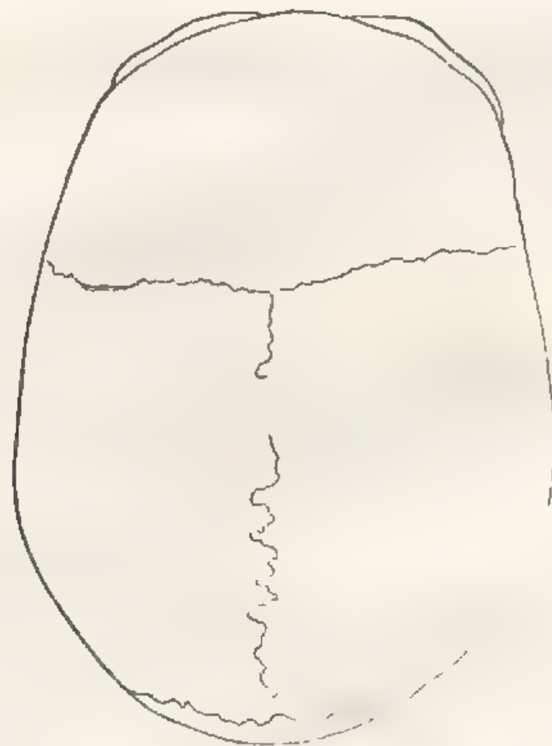
Фиг. 31. Фасъ.

Фиг. 32. Профиль.

Фиг. 33. Съ затылка.

Фиг. 34. Съ верхней стороны.

Фиг. 31—34. Изъ кургановъ Ярославской губерніи. Раскопки Л. Н. Сабанѣева.

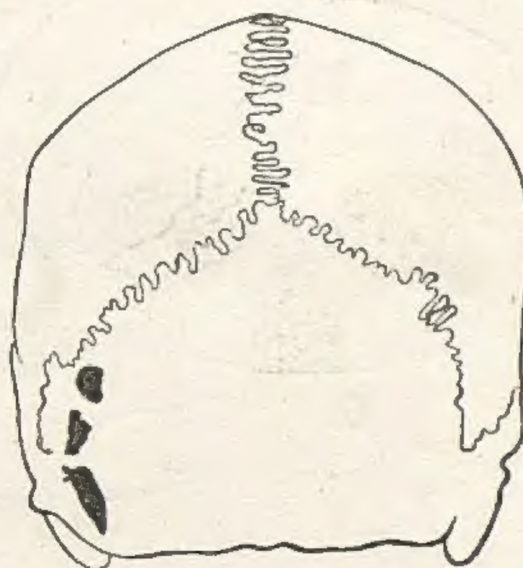
скимъ свойствамъ отъ всѣхъ другихъ и который можетъ быть принадлежалъ случайному пришельцу изъ азіатскихъ большескулыхъ племенъ. Для сравненія приложены также снимки длинноголоваго курганнаго черепа изъ Черниговской губерніи и изображеніе черепа калмыкообразнаго изъ кургана Саратовской губерніи. Стоитъ только взглянуть на эти черепа, чтобы получить убѣжденіе въ возможности отыскиванія физіогномическихъ данныхъ и относительно вымерщихъ племенъ, конечно до извѣстныхъ предѣловъ и

при необходимыхъ предосторожностяхъ. Возможностію сдѣлать всѣ приложенные рисунки я обязанъ Совѣту Общества Любителей Естествознанія, давшаго мнѣ, года два тому назадъ, необходимыя средства. Цѣль моихъ замѣтокъ была бы достигнута, если бы имъ удалось заинтересовать, какъ въ Москвѣ, такъ и въ другихъ мѣстностяхъ лицъ, могущихъ содѣйствовать къ полученію необходимаго фотографическаго матеріала для спеціальнаго изученія антропологической физіогномики Русскихъ и инородцевъ Россіи, въ осо-

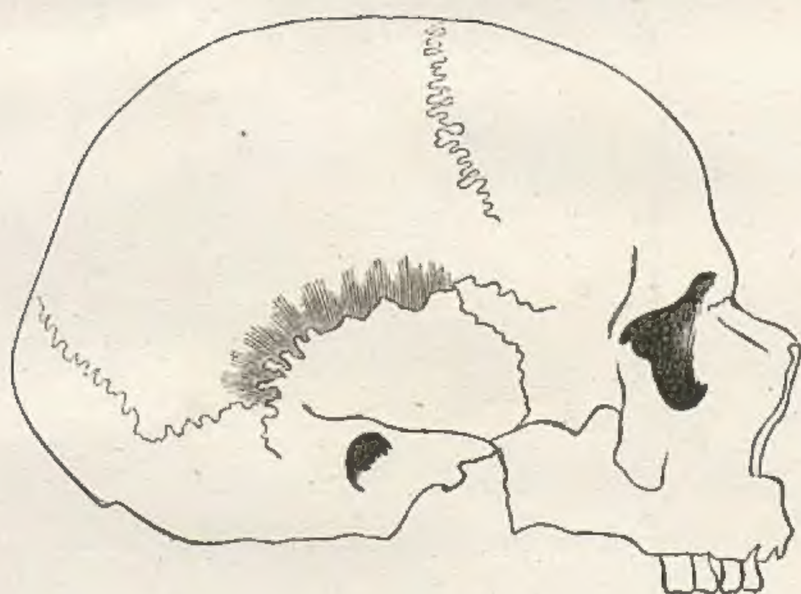
Изъ Краніологическаго альбома курганныхъ череповъ.

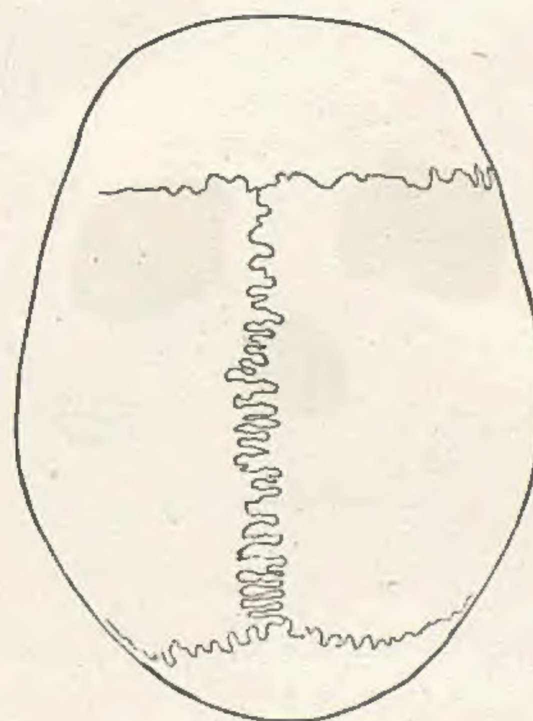
Фиг. 35. Фасъ.

Фиг. 37. Съ затылочной стороны.

Фиг. 36. Профиль.

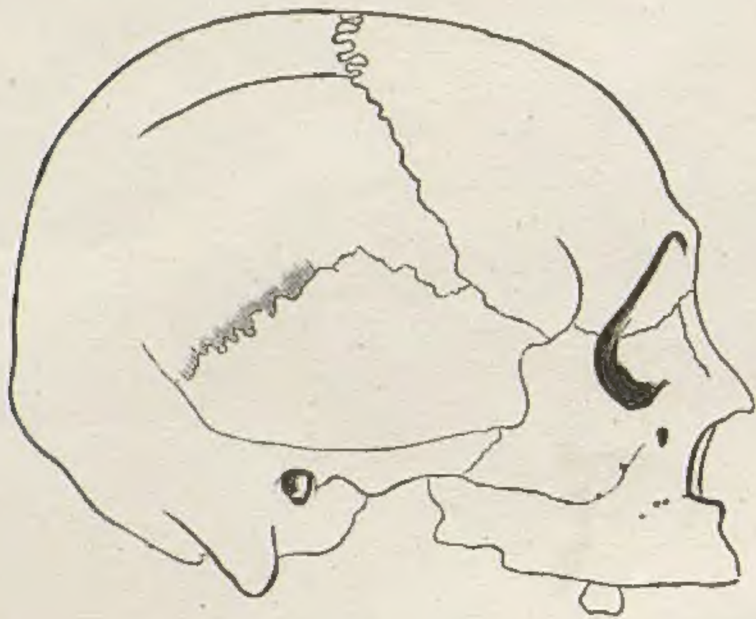
Фиг. 38. Съ верхней стороны.

Фиг. 35—38. Изъ кургановъ Черниговской губерніи. Раскопки Д. Я. Самоквасова.

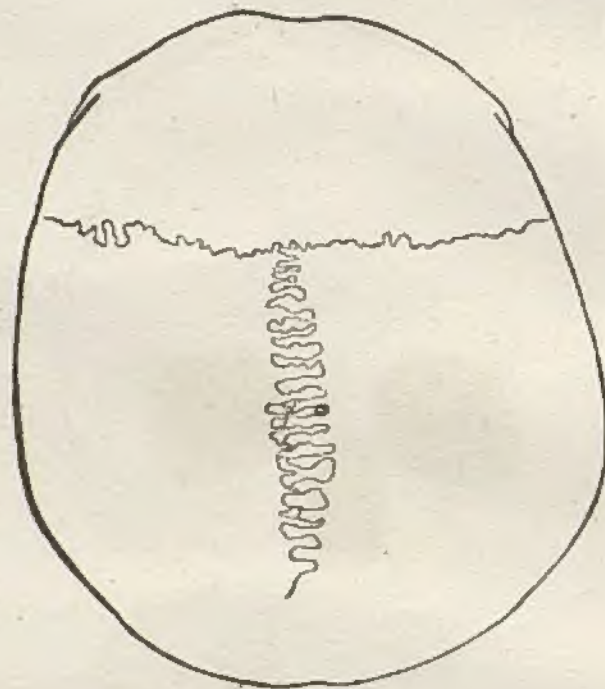
бенности тѣхъ, кои могли войдти въ составъ нынѣшняго народонаселенія. Особенно важны были бы портреты русскихъ типическихъ и красивыхъ женскихъ лицъ, которыя часто встрѣчаются въ купеческихъ, духовныхъ и крестьянскихъ семьяхъ, такъ какъ именно изъ нихъ нѣтъ ничего вслѣдствіе невозможности для меня отыскивать ихъ. Для этого нужно посѣщать многолюдныя женскія собранія, заводить знакомства съ представительницами удовлетворительнаго русскаго типа, выпрашивать у нихъ портреты. Для каби-

нетнаго человѣка такой способъ добыванія ученаго матеріала не только затруднителенъ, но даже можетъ поставить его въ курьозное положеніе и, пожалуй, будетъ приписанъ обладательницами типичныхъ и красивыхъ русскихъ физіогномій не столько антропологическимъ, сколько эстетическимъ побужденіямъ. Для родныхъ же и знакомыхъ, сочувствующихъ цѣли собиранія подобнаго альбома, полученіе портретовъ въ фасъ и профиль будетъ не затруднительно и не обременительно, а съ каждаго по ниткѣ голому ру-

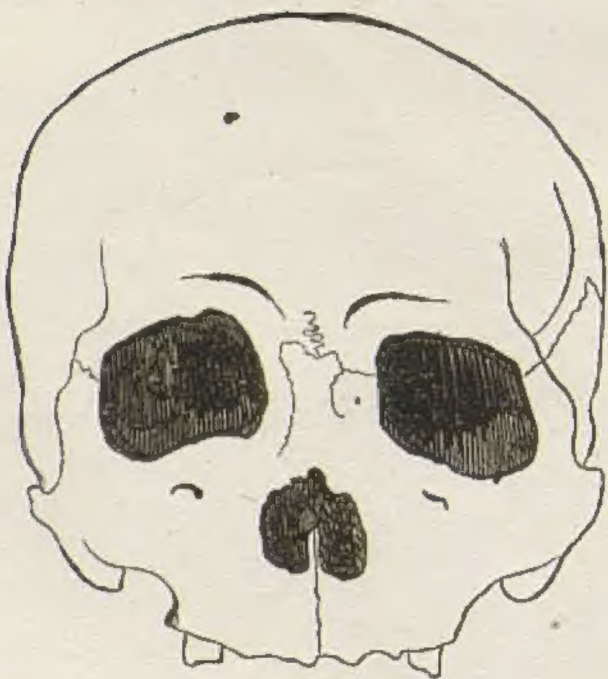
Изъ Краніологическаго альбома курганныхъ череповъ.

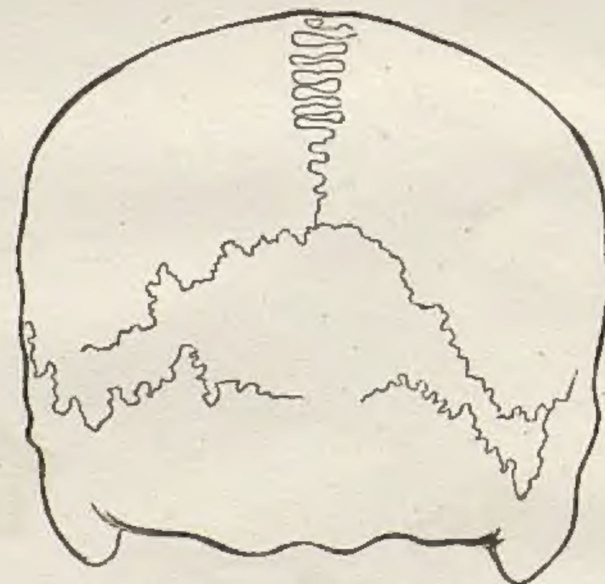
Фиг. 39. Профиль.

Фиг. 41. Съ верхней стороны.

Фиг 40. Фасъ.

Фиг. 42. Съ затылка.

Фиг. 39—42. Изъ кургана Саратовской губерніи, Царицынскаго уѣзда. Раскопки Н. Г. Керцелли.

башка, и изъ отдѣльныхъ единичныхъ фотографій составится безъ труда необходимая численность ихъ для выводовъ. Нужно только при портретѣ сообщить свѣдѣнія о чистокровности снятаго лица, объ отсутствіи въ семьѣ браковъ съ нѣмцами, поляками и другими иноплеменниками. Чѣмъ болѣе будетъ дано указаній, подтвержденныхъ свидѣтельствомъ достовѣрныхъ лицъ, тѣмъ большее научное значеніе будутъ имѣть доставленные портреты.

ОТДѢЛЬНЫЕ ОТТИСКИ ИЗЪ

ИЗВѢСТІЙ КОМИТЕТА АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ВЫСТАВКИ.

(изъ перваго тома, 1877 г.)

Д. Н. Анучинъ. № 1. Антропологическія и этнографическія собранія русскія и иностранныя.
№ 2. Антропологическія замѣтки.
№ 13. Антропологическія достопримѣчательности Лондона, Брюсселя и Южной Германіи.
№ 17. Поѣздка въ Саксонію и Богемію съ Антропологическою цѣлію.
Г. Е. Щуровскій. № 3. Общая программа для изслѣдованія костеносныхъ пещеръ.
П. П. Петровъ. № 4. О задачахъ по Химико-техническому изученію археологическихъ и антропологическихъ предметовъ.
В. Н. Бензенгръ. № 5. Инструкціи для изученія сравнительной психологіи, составленныя Монтегацца, Гиліоли и Летурно.
Н. К. Зенгеръ. № 6. Поѣздка на Золотицкую фабрику доисторическихъ каменныхъ орудій въ Архангельской губерніи.
В. К. Попандопуло. № 7. О языкѣ Московскихъ цыганъ.
Н. Ю. Зографъ. № 8. Поѣздка къ Самоѣдамъ.
А. П. Богдановъ. № 9. Поѣздка въ Приволжье и Финляндію.
№ 10. Вопросы по изученію Лопарей.
№ 11. Матеріалы для изученія цыганъ.
№ 12. Таблица инородцевъ, живущихъ въ Москвѣ.
Н. Г. Керцелли. № 14. Поѣздка къ Кавказскимъ курганамъ.
А. И. Кельсіевъ. № 15. Поѣздка въ страну Лопарей.
П. Д. Дружининъ. № 16. Раскопки Нижегородскихъ кургановъ.

(изъ втораго тома 1878 г.)

Г. Г. Зандбергъ № 17. Поѣздка на Сѣверъ Россіи.
К. О. Милашевичъ № 18. Поѣздка къ Кавказскимъ пещерамъ.
А. П. Богдановъ. № 19. Антропологическая физіогномика.

